16+

Роксана Гедеон

Сюзанна и Александр

Роксана Гедеон

Сюзанна и Александр

«ЛитРес: Самиздат»

1994

Роксана Гедеон

Сюзанна и Александр / Роксана Гедеон — «ЛитРес: Самиздат», 1994

ISBN 978-5-532-08862-7

1797 год. Франция под властью Директории, превращающей жизнь страны в бесконечную череду потрясений и переворотов. Александр, объявленный вне закона, вынужден скрываться в Англии, а Сюзанна отправляется в Париж, чтобы купить у хозяев государства жизнь и свободу мужа. Ей приходится познакомиться с новым парижским светом, снискать милость лукавого министра Талейрана и вырвать из рук банкира Клавьера свой дом на Вандомской площади. В результате изощренных интриг Сюзанна добивается амнистии для супруга, однако его возвращение в Бретань оборачивается для семейства дю Шатлэ глубочайшей драмой.Десятая книга историко-любовного сериала Роксаны Гедеон "Сюзанна".

ISBN 978-5-532-08862-7

© Роксана Гедеон, 1994
© ЛитРес: Самиздат, 1994

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗУМРУДЫ ГОЛКОНДЫ

1

Лошади повернули вправо, и сквозь помутневшее окно кареты стали видны очертания Северного моста.

– Сена, – произнесла я едва слышно. – Вот и снова Сена. Париж…

Я снова, уже в который раз оказалась под стенами этого города – того самого, что олицетворял собой революцию и где были погребены самые основы прошлой, казавшейся незыблемой, жизни. Раньше я любила Париж; теперь, право же, мои чувства к нему были противоречивы. И всё же я снова ехала сюда, надеясь, что здесь и только здесь смогу найти помощь и заново завоевать своё место в столице. Нет, не свое место. Наше.

— Я всё, всё здесь помню, – произнесла Аврора, приникая к окошку. – Ага, вот и трактир, где мы пили молоко, когда уезжали отсюда в прошлый раз… Здесь всё будто родное…

– А кто же называл себя бретонкой? – улыбнулась я. – Или тебе стоило разок подумать о Париже – и Бретань уже забыта?

– Нет… – Она повернулась ко мне и улыбнулась счастливо, как ребёнок. – В Белые Липы я просто влюблена. Но мы же вернёмся туда, правда?

В Париже у нас было множество дел. Надо было показать Аврору в свете – она была уже в том возрасте, когда это возможно. Главная трудность состояла в том, что я сама нынешнего света не знала и не хотела знать. Нынешнее парижское общество, претендующее на светскую изысканность, было буржуазным. Вот я и думала: где же всё-таки и кому показывать юную Аврору?

— Во всяком случае, – заявила я решительно, – мы закажем тебе гардероб. В Бретани это невозможно. Такая милая девушка, как ты, должна одеваться только в Париже. Бретонские модистки просто недостойны тебя.

— И тебя, – отозвалась она, прижимаясь щекой к моему плечу. – Ах, я так счастлива, так счастлива – у меня просто дух захватывает от радости!

Было 10 декабря 1797 года. Три месяца назад мадемуазель Аврора д'Энен навсегда покинула стены монастыря в Ренне – монастыря, в котором приобрела понятие о хороших манерах, научилась говорить, двигаться, играть на клавесине и даже получила некоторые знания по географии и истории. Но, несмотря на все эти успехи, невозможно было уговорить её остаться там даже на месяц дольше.

— Никогда бы не вернулась туда! – повторяла она горячо. – Это самое невыносимое место в мире!

– Тебе и не надо возвращаться. Ты уже выросла, дорогая.

Выросла… Когда я смотрела на Аврору, меня охватывало странное щемящее чувство. Пожалуй, она слишком быстро выросла. Сейчас ей шёл шестнадцатый год – и я была примерно в том же возрасте, когда уехала из Санлиса. И вот мы словно поменялись местами. Вернее, теперь на моём месте – она… Двенадцать лет прошло, как один миг… И вот пожалуйста – вместо крошечной бретонской дикарки рядом со мной сидит такая изящная юная мадемуазель.

Аврора была одного роста со мной, но тоньше и более хрупкая. Судьбе было угодно, чтобы она, кровно вовсе со мной не связанная, имела много общего со мной – в овале лица, губах, жестах, разрезе фиалковых глаз. Её глаза, кстати, были самым ценным и привлекатель-

ным в её внешности, они сразу притягивали взгляд – своей глубиной, сиянием, необыкновенным цветом.

Ренцо тронул меня за руку.

– Тётя, так мы все святки проведём в Париже?

Я понимала, что его интересует: возможность продлить свои каникулы. Ренцо был способный, всё схватывал на лету, но корпеть над книгами не любил.

— Ты – да. Но потом тебе надо будет вернуться к отцу Ансельму, милый.

— А вы?

— А мы, я полагаю, останемся здесь до самого лета.

Ренцо взглянул на Аврору.

— Значит, я буду учиться, а она нет?

Аврора снисходительно потрепала его за ухо.

— Я уже отучилась, вы забыли, милейший кузен! А вот вам ещё лет шесть придётся сидеть, высунув язык, над книгами!

Их всей тройки мальчиков, наполнявших прежде Белые Липы своими голосами, остался сейчас только мой племянник. Я так привязалась к нему, что была бы огорчена, если бы Джакомо и Стефания вдруг изъявили желание его забрать. Хотя, впрочем, он пробыл у меня уже полтора года, а брат и его жена ни о чём таком пока не говорили.

Ренцо, расплющив нос о стекло, припал к окну.

— Как много людей на улицах… Что бы это за праздник нынче, тетя?

Я пожала плечами. Париж встречал нас слякотью, дождём, туманом – словом, всеми атрибутами тёплой парижской зимы. Окошко кареты совсем запотело. Капли, срываясь и сбегая вниз, пересекали мутное стекло прозрачными неровными дорожками. Улицы были грязными, колёса кареты то и дело попадали то в канавы, то в лужи, и брызги грязи летели на тротуары.

— Действительно, – сказала Аврора. – Должно быть, сегодня какое-то торжество.

Тогда я тоже посмотрела. Двигаться по улице становилось всё труднее, толпы людей увеличивались, и, созерцая это, я почувствовала некоторый страх. Страх перед толпами, который вошёл в мою плоть и кровь. Что происходит? За последние семь лет скопление людей на улицах предвещало лишь что-то дурное. Неужто меня угораздило прибыть в Париж так несвоевременно?

У Елисейского дворца развевались трёхцветные знамёна, деревья были украшены разноцветными гирляндами. Можно было заметить карету, окружённую эскортом блестящей национальной гвардии, – она двигалась медленно, и я вдруг поняла, что это именно ради неё устроены все эти почести.

— Так что же происходит? – пробормотала я.

Едва произнеся это, я вспомнила то, о чём трубили все газеты, о чём знали даже в глухих уголках Бретани: генерал Бонапарт после заключения мира в Кампоформио как триумфатор возвращается в Париж… Его ждали неисчислимые почести и слава миротворца.

Бесконечные войны давно надоели всем. Более пяти лет длились они с переменным успехом: французы то побеждали, то отступали. Победы радовали мало, хотелось одного – мира. Вот почему Бонапарт с его Кампоформийским мирным договором был встречен в Париже с такой радостью. Директория, особой любви генералу не питавшая, под давлением столь явно выраженных восторгов была вынуждена устроить ему пышную встречу в Люксембургском дворце. По всей видимости, именно туда сейчас Бонапарт и направлялся. Бесчисленные толпы народа приветствовали его.

Наша карета мало-помалу продвигалась вперёд, и мне, припавшей к окошку, на миг удалось увидеть Бонапарта. Я заметила чёткий римский профиль на фоне тёмной обивки сиденья, увидела худое бледное лицо с бесстрастным выражением и сжатыми губами, редкие

длинные волосы, падавшие на лоб и плечи. Глаза на бледном лице горели как два угля. А высокомерие, таившееся в изгибах губ, меня поразило. Пожалуй, даже Людовик XIV, Король-Солнце, не взирал на толпу с таким презрением.

В остальном внешность его была ничем не примечательна. Я убедилась, что слухи правдивы: Бонапарт не блещет мужской привлекательностью и довольно тщедушен. По крайней мере, чего-то особенного, что притягивает женский взгляд, в нём не было. Шарм ему придавала слава полководца; без этого редко какая женщина, встретив его в толпе, обратила бы на него внимание.

— Да здравствует генерал Бонапарт!

Эти крики, сливавшиеся в общий нестройный гул, действовали мне на нервы.

— Глупцы, – пробормотала я с презрением. – Они не видят, что в его пресловутом мире кроется зародыш войны…

Кучер соскочил с козел и подбежал к окошку.

— Мадам! Прикажете ехать вслед за гвардией?

Я возмутилась.

— Ещё чего! Мы не собираемся сопровождать Бонапарта. Мы едем домой.

— Но, тётя! – пробормотал Ренцо.

— Это не подлежит обсуждению, – отрезала я. – Бонапарт не дождётся, чтобы карета с гербом дю Шатлэ следовала в его эскорте.

С горем пополам мы освободились из объятий толпы, и кучер направил лошадей к Елисейским полям, чтобы выехать к саду Тюильри.

Случившееся ещё раз дало мне понять, что нынешний Париж – это не мой Париж. Я совершено перестала понимать его жителей. Одному Богу известно, смогу ли я привыкнуть ко всему новому и прожить здесь до самого лета – именно такой срок мне, видимо, понадобится, чтобы уладить то, ради чего я приехала.

Мы ехали жить в отель дю Шатлэ, что на Королевской площади. Честно говоря, само это название вызывало у меня ужас. Семь лет назад именно здесь я потеряла Луи Франсуа. Теперь мне предстояло пересилить это и здесь жить. Пожалуй, только Маргарита могла бы догадаться о моих чувствах.

Уже смеркалось, когда мы подъезжали к месту, и небо – днём такое серое, свинцовое – приобрело сиреневый оттенок. Карета проехала мимо сквера, окружённого решеткой, её колёса прогрохотали под колоннами, поддерживающими арки и своды домов; так много лет назад проезжали принц Конде, Нинон де Ланкло, мадам де Лонгвилль – бывшие мои соседи…

Я приказала остановиться и вышла из кареты. Я уже видела наш дом – большой, окружённый вековыми липами, расположенный между отелями де Шолн и де Роган. Когда-то в юности, проезжая мимо, я и подумать не могла, что этот дом станет моим домом, а Александр дю Шатлэ – моим мужем.

Накрапывал дождь. Под арками зажигались фонари и вспыхивали, озарённые низким красным солнцем, трубы.

— Здесь хорошо, – пробормотала Аврора, подходя ближе.

— Да, – потвердила я. – Здесь хорошо.

Я пешком, перепрыгивая через лужи, подошла к дому и сильно постучала. Дверь мне открыла служанка.

— Я слушаю вас, – сказала она сурово.

— Я – мадам дю Шатлэ.

— Вы приехали повидать господина Риджи?

— Я приехала сюда жить.

Она, видимо, даже не слышала обо мне. Но я не печалилась. Сейчас я увижу брата, на которого был оставлен дом, и всё образуется.

И хотя я впервые переступила порог этого дворца и всё здесь было для меня чужим и необычным, я сказала, оборачиваясь и обращаясь к Авроре:

— Девочка моя, мы приехали домой.

2

Первую ночь под крышей этого дома я провела без сна. Тысячи мыслей осаждали меня, бились в мозгу. Я лихорадочно садилась на постель, охваченная одной-единственной заботой: как вернуть Александра.

Я не видела его три месяца, с тех пор как переворот 18 фрюктидора заставил его вновь уехать в Англию. Это случилось внезапно и застало меня врасплох. Ещё вчера я была счастлива и уже сегодня осталась одна – именно так всё и произошло.

Мы строили столько планов, мы о многом мечтали. Умеренное большинство, пришедшее к власти в результате выборов в мае 1797 года, было в оппозиции к Директории и пыталось полностью прекратить репрессии против роялистов. Это давало нам надежду на то, что потепление будет продолжаться, что во Франции наступит мир, что мы сможем спокойно жить в Белых Липах, не опасаясь притеснений и нового террора. Но ход событий не оправдал наших надежд.

Избрание Пишегрю председателем Совета пятисот и Барбе-Марбуа – председателем Совета старейшин было открытым вызовом Директории: тот и другой были её врагами. Враждебное директорам большинство сразу нащупало наиболее уязвимое место: оно потребовало, чтобы Директория отчиталась о расходах. Куда ушло золото, поступившее из Италии? Почему казна всегда пуста? То были вопросы, на которые Директория даже при всей дьявольской изобретательности Барраса не могла дать ответа. Но это было только начало. Советы не скрывали своего намерения вышвырнуть Барраса и его друзей из правительства. Что будет потом? Республика или какая-то переходная форма к монархии? Мнения расходились. Всех объединяло одно: надо гнать «триумвиров», вцепившиеся в директорские кресла.

Для Барраса, главного среди директоров, в сущности, важно было только это. Директорский пост – это была власть, великолепные апартаменты в Люксембургском дворце, приёмы, оргии и деньги без счёта. Мог ли с этим легко расстаться человек, прошедший через все круги ада, скользивший по лезвию ножа, коварный и дерзкий? Медлить было нельзя. И Баррас нашёл способ переиграть своих врагов: он обратился к Бонапарту. Он просил его защитить Республику от роялистов, проникших в Советы.

Сам генерал вряд ли был пламенным республиканцем, по крайней мере, диктаторские замашки в его деятельности уже давно наблюдались. Пожалуй, он в стране ввел бы единоначалие, подобное армейскому, и без особых колебаний задушил бы Республику, но он вовсе не намерен был допустить эту операцию преждевременно, а самое главное, вовсе не желал, чтобы это пошло на пользу кому-нибудь другому, кроме него самого. Поразмыслив над всем этим, Бонапарт выступил в роли спасителя Республики: он послал в Париж своего генерала Ожеро с приказом помочь Баррасу.

Ожеро, едва прибыв в Париж, заявил: “Я приехал, чтобы убить роялистов”. Баррас не медлил. 4 сентября десять тысяч солдат окружили Тюильри, где заседали Советы. Начались аресты. Директоры Карно и Бартелеми, противостоявшие Баррасу, должны были быть арестованы. Карно удалось бежать, Бартелеми схватили солдаты. Были аннулированы выборы, смещены высшие чиновники, судьи, закрыты газеты – было уничтожено всё, что представляло угрозу для власти “триумвиров”. Однако это была временная, пиррова победа казнокрадов, которая, в сущности, снова доказала, что режим исчерпал себя и может удерживаться, лишь опираясь на армию.

Священников опять обязали присягать в ненависти к королевской власти. Кто отказывался, того ссылали в Вест-Индию, на сухую гильотину, как принято было говорить. Даже частных лиц теперь принуждали пользоваться непонятным и странным республиканским календарём, к которому никто так и не смог привыкнуть. Было строго приказано всем гражданам праздновать декади, а в воскресенье работать.

В Бретань известие о перевороте пришло вечером 6 сентября. Стало ясно, что уже ночью начнутся аресты, а утром весь департамент будет наводнён синими отрядами. Надо было спешно уезжать. Александр торопливо попрощался со мной, поцеловал маленького Филиппа, оставил все дела брату и вместе с Гарибом ускакал по направлению к побережью.

Уже через сутки после его отъезда повсюду в Бретани были расклеены постановления об объявлении Александра дю Шатлэ вне закона – постановления, ранее благополучно забытые.

Я была пришиблена всем случившимся. Снова не было спокойствия в моей жизни, снова она изменилась под влиянием совершенно не зависящих от меня событий. Во мне даже проснулись суеверные опасения по отношению к осени: она всегда приносила мне несчастья. Вот и сейчас – едва пришёл сентябрь, и я снова осталась без мужа.

Даже без вестей о нём. Связи с Англией были нарушены, привозить корреспонденцию становилось всё труднее. К тому же я знала, что Александр не сидит всё время в Лондоне. Он может быть где угодно. С ним может что-нибудь случиться, а я даже и знать ничего не буду.

С Жаном дело обстояло немного утешительнее. Он держал данное им слово и писал мне регулярно, раз в неделю, довольно подробно описывая, что с ним происходит. К осени они с дедом вернулись из Митавы в Англию, и Жан был принят в Итон. К сожалению, письма запаздывали, поскольку их доставляли с контрабандой, по случаю, и я узнавала о событиях с опозданием в полтора месяца.

Чтоб не чувствовать себя совсем никому не нужной, я забрала Аврору из монастыря, но ни Аврора, ни даже Филипп, разумеется, не могли утешить меня в супружеском одиночестве. Приближался декабрь – тот месяц, на который мы с Александром возлагали столько надежд. Мы планировали, что перед Рождеством я отправлюсь в Париж и попытаюсь там укрепиться. Попытаюсь напомнить о себе, заявить, что дю Шатлэ живы, обжить давно заброшенный отель. Теперь ехать мне не очень-то и хотелось.

— Есть ли в этом смысл? – спросила я у Поля Алэна. – Теперь всё так изменилось.

— Что вы имеете в виду?

— Теперь на нас снова смотрят искоса. К буржуа я ездить не хочу, а знакомых аристократов в Париже у нас мало. К тому же, как посмотрят на мой приезд власти?

— Они не посмеют вас тронуть. Не трогали же они вас здесь.

— Да, потому что мы живём в глуши и ничем о себе не напоминаем. Как бы мне моим приездом не повернуть дела в худшую сторону… Не дай Бог, якобинцы пожалеют о своей забывчивости и захотят отобрать наш отель.

Поль Алэн качнул головой.

— Я ни на чём не настаиваю, мадам. Хотите ехать – поезжайте. В вашей личной безопасности я уверен. Мне кажется, появиться в Париже – это было бы полезно.

Я его мнения не разделяла. Мне поездка казалась бессмысленной. В Бретани и то на нас обрушиваются бедствия. Чего же ждать от жизни в Париже, у всех на виду?

Констанс, видя моё уныние, всё время пыталась меня развлечь, а однажды, когда мы гуляли по парку, выпалила:

— Если уж вы никак не способны утешиться, что же вы сидите, сложа руки и ждёте?

— Но что я могу? – воскликнула я с досадой. – От меня ничего не зависит!

— Вы хотите вернуть мужа? Хотите, что бы он мог жить с вами?

— О, я и не мечтаю о таком. Я была бы счастлива, если бы с него просто сняли объявление вне закона. Тогда бы он, по крайней мере, мог приезжать… и я не боялась бы, что его расстреляют в двадцать четыре часа, если схватят.

Помолчав, я раздраженно произнесла:

— Но к чему говорить об этом? Всё это только мечты!

— Да, конечно, потому что вы бездействуете.

— От меня ничего не зависит, повторяю вам, Констанс.

— Неправда! – сказала она горячо. – Вы ведь и не пытались что-то изменить… Поезжайте в Париж! Знакомьтесь с чиновниками, министрами, директорами. Вы могли бы поговорить даже с Баррасом, если бы захотели. У вас есть деньги – пользуйтесь ими как доводом!

Я замерла на месте, глядя на неё с полуоткрытым ртом.

— Вы имеете в виду… взятки?

— Разумеется! Они же сплошь продажны, это все знают! Вы могли бы чего угодно добиться за деньги!

Эти слова пронзили меня с ног до головы. Ведь это правда! Я могу хотя бы попытаться… И как странно, что Констанс – всегда такая нежная, немного робкая – подсказала мне выход, до которого я не додумалась!

Я стала просто одержима этой идеей, я размышляла о ней день и ночь, составляла план действий. Полю Алэну открывать свои намерения я не собиралась: он бы сразу встал на дыбы, если бы услышал о том, что я отправляюсь просить чего-то у синих. Он даже ради брата на это был не способен. «Ну и чёрт с ним! – подумала я, досадуя на него. – Я сама всё сделаю, сама! Я никому ни слова не скажу!»

Лишь Аврора и Ренцо поедут со мной: Аврора – потому, что ей следовало узнать мир, а Ренцо надо было повидаться с родителями. И близняшек, и Филиппа я оставляла дома, под присмотром Маргариты.

И наконец, уже уезжая из Белых Лип, я вспомнила о Морисе де Талейране, большом вельможе при Старом порядке и министре иностранных дел при Республике. Он отщепенец, предатель, это так. Но он аристократ. Он, по-видимому, первый, к кому следует обращаться. К тому же я слышала, что он взяточник.

Пожалуй, даже когда мне было шестнадцать, и я ехала в Версаль, чтобы быть представленной ко двору, я не покидала Бретань с таким нетерпением.

3

Карета въехала во двор отеля Галифе на улице Варенн и покатила по аллее, контуры которой подчёркивались бордюром из кустов самшита. Волнуясь, я теребила маленькую сумочку. Ради сегодняшнего дня я приложила все усилия, чтобы выглядеть привлекательно, и добилась своей цели, но сердце у меня всё равно ёкало. Ведь от предстоящей встречи зависело буквально всё.

Лакей в серой с малиновым ливрее бросился к карете.

— Мадам дю Шатлэ? – осведомился он почтительно.

— Да. Мне назначено на полдень.

— Господин министр ждёт вас.

Лакей помог мне выйти и проводил в роскошный вестибюль, где руки горничной приняли мой плащ. Я оглядела себя в зеркало. Узкое изящное платье из тафты медового цвета сидело на мне безукоризненно, чёрные глаза сияли даже сквозь чуть приспущенную золотистую вуаль. А уж шляпа – это было произведение искусства: широкополая, из мягкого светлого фетра, с пышными перьями цапли и алмазом на тулье. «Пожалуй, мне идёт нынешняя мода, – подумала я. – Хотя раньше я очень тосковала по фижмам и кринолинам Старого порядка».

— Прошу вас, мадам дю Шатлэ.

«Мадам», «господин министр»… Талейран, похоже, продолжал жить так, как было принято при Людовике XVI. Он даже лакеев, как я сейчас убедилась, наряжал в ливреи цвета своего герба, хотя, наверное, знал, что это запрещено. Ну, а если не запрещено, то зазорно для министра Республики.

И всё-таки, как с ним разговаривать? Какой подход к нему найти? Он слыл умнейшим человеком в Европе. Большим насмешником. И, конечно, взяточником. Но как предложить ему эту взятку? Нельзя же просто вывалить перед ним деньги. Опыта у меня никакого не было. При дворе Людовика XVI я много слышала об этом подающем надежды прелате, епископе Отенском (впоследствии он охотно отказался от своего духовного звания), слышала так же о популярном салоне на улице Бельшасс, который он держал и в котором блистала его любовница, роскошная графиня де Флао, но сама ни с ним, ни с ней никогда не встречалась – стало быть, не могла опираться на прежние знакомства. Оставалось надеяться, что хоть отца моего он знал.

Лакей распахнул дверь кабинета, и мысли мои прекратились.

Передо мной стоял высокий худой человек лет сорока пяти. Безупречный покрой сюртука, впрочем, позволял скрывать худобу. Лицо Талейрана – бесстрастное, умное – красотой не отличалось: тяжёлые веки, чуть впалые щёки, короткий нос, не слишком приятный взгляд синих глаз из-под нависших бровей. Выпяченная и слегка отвисшая нижняя губа придавала лицу выражение дерзости и даже, может быть, нахальства. Он стоял, заложив руки за спину, и пристально смотрел на меня.

– Э-э… – произнёс он наконец. – Так вы мадам дю Шатлэ?

— Да, – подтвердила я.

— Позвольте, а вы не родственница того маркиза дю Шатлэ, которого казнили во время террора?

— Если и родственница, то только по мужу, сударь.

— Как же вас звали в девичестве?

— Сюзанна де ла Тремуйль де Тальмон.

Взмахом руки он предложил мне сесть.

— Вы богаты? – последовал неожиданный вопрос.

«Аристократ, – подумала я рассеянно, – должен знать, что спрашивать о таком не прилично. Просто невежливо». К тому же, начало встречи очень смахивало на допрос.

— Что… что вы имеете в виду?

— Я хочу знать, не из тех ли вы дворян, у которых гораздо больше благородных предков, чем звонких монет в кармане.

Я была поражена. И , честно говоря, не знала, как отвечать.

— Не думайте, что я питаю неприязнь к таким аристократам, – произнёс он. – Я сам из таких. Ну, так что же, мадам, вы богаты?

Перечислять то, что мы имеем, было бы глупо. Я улыбнулась и ответила как же дерзко, как дерзок был его допрос:

— Если то, как я одета, ничего не сказало вам, сударь, сделайте два шага к окну и поглядите вниз – там стоит моя карета. Она, я полагаю, разрешит ваши сомнения.

Талейран какой-то миг молча смотрел на меня. Потом улыбка тронула его губы.

— Мне думается, мадам, я знаю, почему вы приехали. Едва прочитав ваше письмо, я навёл справки.

— Я хочу хлопотать за мужа.

— Да. Я понял. Счастливчик он, этот ваш муж.

Быстро взглянув на меня, он спросил:

— Могу я узнать, чем обусловлен ваш выбор?

— Выбор чего?

— Выбор меня, мадам. Как посредника в этом деле. Вы же знаете, что я отвечаю лишь за внешние сношения Республики.

— Ну, я думаю, это не так, господин министр. Мне кажется, сфера вашего влияния куда обширнее. Вы слывете ловким и обходительным человеком.

Поразмыслив, я честно добавила:

— Конечно же, я пришла к вам потому, что между нами есть хоть что-то общее. Когда-то мы были представителями одного и того же сословия.

— Были? – Его брови поползли вверх. – Уж не хотите ли вы сказать, что я потерял право быть дворянином?

Я поняла, что сказала лишнее. То есть я сказала правду, но говорить её не стоило… Что было делать? Как выпутаться? Солгать? Я не произносила ни слова. И как меня угораздило задеть Талейрана?

— Ну так что же вы молчите? Сударыня! Вы полагаете, что я предал своих друзей?

«Поль Алэн был прав, – подумала я с горечью. – Любое обращение к этим революционерам сопряжено с унижением». На миг мне стало очень больно: я полагала, что уже потеряла всякую надежду найти помощь, во всяком случае, в этом доме. Но солгать я тоже не могла. Мои губы резко и внятно произнесли:

— Я полагаю, да, сударь.

Я была уверена, что он выставит меня за дверь. Я просто в глаза назвала его предателем. Талейран невозмутимо смотрел на меня.

— Видите ли, сударыня… Друзья… э-э, друзья ведь только для того и существуют, чтобы предавать их. Или чтобы они предавали вас. Не так ли?

Его тон – сдержанный, даже холодный – навел меня на мысль, что сейчас он мне откажет. Я встала с места. Талейран поднял на меня глаза и, будто не заметил того, что я стою, произнес:

— Вы взялись за очень трудное дело, мадам. Нельзя сказать, что в Париже любят вашего мужа. Он мятежник. Да и ваше имя каждому напоминает о том, сколько услуг вы оказали королеве. Так что будьте благоразумны, не говорите никому, кроме меня, о том, как вас звали в девичестве. Пусть вас знают только в вашем новом качестве.

Воцарилось молчание. Я поняла уже, что разговор не закончен и что Талейран не намерен прощаться со мной. В это миг в кабинет тихо вошёл лакей. На стол перед нами был водружён поднос с дымящимся кофе, сыром и сладким печеньем.

— Что вы стоите, герцогиня? Садитесь, прошу вас.

Лакей удалился. Я снова села. Талейран, будто решив поухаживать за мной, сам принялся разливать кофе.

— Вам сливки? Мед? Сколько сахару?

— Одну ложечку, спасибо, – пробормотала я.

— Кофе – моя слабость. Вероятно, вам уже доводилось слышать знаменитое выражение, которое приписывают мне? Кофе должен быть сладким, как любовь, горячим, как огонь, и горьким, как дьявол… Однако буду честен: на самом деле эти слова я услышал от своего покровителя и доброго друга архиепископа Бордо монсеньора де Сисэ. Правда, вместо слова «дьявол» он говорил «жизнь в аду» – она ведь весьма горька, по крайней мере, так утверждают.

Занимаясь всем этим и ведя светскую беседу, Талейран уже не смотрел на меня так пристально, как прежде, и я решила воспользоваться этой минутой. У Талейрана на столе лежала раскрытая толстая книга, я сунула под неё изящный вышитый кошелёк с двадцатью тысячами ливров и быстро отдёрнула руку. Ну вот, наконец всё сделано… Румянец залил мне щёки, я поглядела на Талейрана и перевела дыхание, убедившись, что он нечего не заметил. Слава Богу, самое трудное позади.

— Тогда, когда я спросил вы, богаты ли вы, мною руководило не любопытство. И даже не жадность, как вы, вероятно, подумали.

Он посмотрел на меня чуть насмешливо, но насмешка эта не была злой. Скорее, ласковой, и это меня приободрило. Я начинала испытывать симпатию к этому человеку. Даже его циничные выпады не производили на меня неприятного впечатления.

— Едва вы вошли, я прочитал у вас на лице твёрдое желание довести дело до конца. А чтобы сделать это, вам придётся потратить немало средств. Вот почему вы должны быть богаты. Увы, деньги правят миром. А уж Францией и подавно.

— Вы… вы думаете, – спросила я с надеждой, – что деньги – это всё? Больше от меня ничего не потребуется?

Он на пальцах пересчитал:

— Вам потребуются: деньги, терпение и очарование.

— Вот как? – Я заулыбалась. – Очарование тоже?

— В большей степени, чем вы думаете.

— Надеюсь, до известных пределов?

— Не могу вам сказать. Вы это увидите сами. Впрочем, это зависит ещё и от того, до какой степени вы намерены жертвовать собой ради мужа.

— Я… я очень многим готова пожертвовать, – проговорила я. – Скажите, господин Талейран, чего я могу добиться?

— Я вам обо всём расскажу. Я согласен быть посредником. И даже советчиком. Причём, – он поставил чашечку на стол, – я могу вам сказать очень искренне, что вы можете мне доверять.

Складка у него между бровями разгладилась. И если у меня ещё оставались сомнения на его счёт, то сейчас они исчезли. Он действительно не обманывал меня. Он был готов помочь.

— Ах, господин Талейран, я с таким трудом верю в удачу! У были надежды на вас, это правда… но я даже предположить не могла…

— Что человек, предавший короля и аристократию, способен помочь? Ах, мадам, не всегда следует верить слухам.

— Порой слухи характеризуют вас с лестной стороны, господин де Талейран.

Он улыбнулся.

— Возможно… Однако даже эти слухи не скажут, что я сентиментален. А тем не менее это так. Меня мучает ностальгия, сударыня. Тоска по старым временам. По королю… Кто не жил при Старом порядке, тот не знал сладости жизни. Вы моложе меня, но и вам, пожалуй, это чувство знакомо.

— Да. Старые времена были вовсе не плохи для нас. Да и Людовик XVI желал Франции только добра.

Талейран несколько ворчливо произнёс:

— Людовик XVI всю жизнь хотел только добра и всю жизнь делал только зло. Именно он вдребезги разбил аристократию. И мы с вами сейчас, мадам, – всего лишь жалкие осколки. Мы можем стать мятежниками, как ваш муж… или приспособиться к новой власти, как, например, я, но мы чужие в новом времени. Оно не для нас. И тоска, – сказал он с усмешкой, – тоска – это отныне вечное наше проклятие.

Жалкие осколки… Так ли это? Его слова задели меня. Нет, он не прав. Он сравнивает себя с нами, а этого делать нельзя. Нас притесняют, но мы ничему не изменили. У нас нет в душе того разлада с совестью, как у него. Нам нечего стыдиться. Мы живём, может быть, во вражде с властью, но в согласии с самими собой.

Талейран резким движением подался ко мне.

— Ну, а теперь поговорим о том, что вам следует делать.

Его советы разъяснили мне мою задачу. Мою стратегию и тактику. Следует пожить в Париже, побывать на приёмах. Он, Талейран, окажет мне в этом содействие. Не стоит брезговать новым буржуазным светом. Полезно завести важные знакомства. Дело продвигаться будет медленно, потребует терпения и затрат – из этого я поняла, что расчёты мои были правильны, что мне придется задержаться в Париже до самого лета. Люди, в руках которых судьба моего мужа, – это военный министр Шерер и, конечно же, сам Баррас.

— Им придется платить, – повторил Талейран. – Я сведу вас с ними.

— Нет слов, как я вам благодарна, господин министр.

— Благодарить пока не за что. Ещё ничего не сделано.

— Нет. Сделано. Я уже получила надежду. Теперь меня ничто не остановит.

Он улыбнулся.

— Любопытно было бы взглянуть на этого человека, вашего мужа… ради которого вы так стараетесь. Впрочем, о его подвигах я уже наслышан. Безумный он человек.

— Безумный?

— На мой взгляд, он пытается повернуть время вспять и поэтому его всегда будет ждать поражение.

— Он верен роялизму. Идея служения королю для него важнее возможности выглядеть современным.

— Глупости, – безапелляционно заявил Талейран. – О каком короле речь? Людовик XVIII не имеет никаких шансов быть коронованным. Кроме того, ни одна идея не стоит разлуки с вами. Если чудо свершится и господин дю Шатлэ вернётся к вам, первое, что вам надо сделать, – это дать ему хорошенько понять, что вами следует дорожить.

Когда я, распрощавшись с министром, уже спускалась по парадной лестнице в сопровождении лакея, холодный голос окликнул меня:

— Мадам дю Шатлэ!

Я остановилась. Талейран, прихрамывая, – я только сейчас заметила, что он хромой, – спустился вслед за мной на несколько ступенек.

— Вы забыли, мадам.

С этими словами он протянул мне мой вышитый кошелёк.

Кровь прихлынула к моему лицу. Дрожащими пальцами я взяла то, что теперь превратилось в источник моего стыда и смущения. Я едва смогла пробормотать:

— Да-да, я так забывчива…

— Неприятный недостаток, мадам. Он может привести к большим убыткам. Не все возвращают то… э-э, то, что забыто.

Голос его прозвучал лениво и чуть небрежно. Мы ещё раз раскланялись, и я пошла к выходу, вне себя от смущения.

…Даже вернувшись домой, я ещё долго не могла опомниться. Конечно, я неопытна в такого рода делах, но уж мою глупость никак объяснить нельзя. Как я могла вообразить, что Талейран так прост? Взяла и сунула ему двадцать тысяч! Может быть, Талейран и взяточник, но взяточник изысканный… не какой-нибудь продажный чиновник из министерства. Я должна была поступить тоньше, деликатнее. В том, что отблагодарить его необходимо, я не сомневалась. Вот только надо учиться находить к людям верный подход.

Поразмыслив, я достала свою шкатулку с драгоценностями и долго перебирала их. Из Белых Лип я привезла богатейшую коллекцию великолепных изумрудов – пожалуй, в Европе было не много таких. Я выбрала среди них самый лучший – десятикратный травянисто-зелёный камень изумительной чистоты. Потом села к бюро и набросала несколько строк:

«Господин де Талейран, я наслышана о вашей коллекции драгоценных камней. Если этот скромный изумруд хоть в малой степени обогатит её и сделает вам приятное, я буду

искренне рада. Не лишайте меня этой радости. Это лишь малая благодарность за то, чем я вам обязана».

Я позвонила. На зов явилась горничная.

— Эжени, немедленно разыщите ювелира. Мне нужен изящный футляр для камня.

Всё это, включая и футляр, было отправлено в дом министра следующим утром. Я ждала, ждала… Кто мог бы предугадать реакцию Талейрана?

Изумруд стоимостью по меньшей мере сто тысяч ливров не вернулся.

4

Отныне я жила, ожидая указаний Талейрана, и, помня о его совете заводить знакомства, решила каждый день куда-нибудь выезжать: то в театр, заказывая заранее одну из лучших лож, то в Булонский лес для прогулок верхом, то в Сен-Клу. Всюду меня сопровождала Аврора. Правда, особенных знакомств я не завела – если не считать нескольких не слишком важных персон, которые пытались за мной ухаживать и от которых я быстро избавлялась… но, по крайней мере, я была на виду и могла краем уха слушать сплетни. С визитами я пока не ездила, хотя и успела узнать, что в Париже живут несколько знакомых мне аристократок, которые каким-то образом связали свою судьбу с буржуа. Так, на мой взгляд, совсем бесцельно шли дни, но я вспомнила второй совет Талейрана: «Терпение!» – и успокоила себя этим.

Понемногу обретал свой прежний блестящий вид отель дю Шатлэ. Семья Джакомо, поселившаяся здесь, не нуждалась во всей его огромной площади и занимала лишь несколько комнат на первом этаже и кухню. Остальные апартаменты были закрыты, мебель была затянута в чехлы – словом, всё оставалось точно таким же, каким было после последнего визита сюда старых герцога и герцогини, родителей Александра. Джакомо нанял лишь одну служанку в помощь Стефании, но этого было явно недостаточно для полнокровной жизни дома. Едва приехав, я стала набирать штат прислуги. Когда армия лакеев и служанок была собрана, они принялись приводить в порядок все комнаты дворца.

К Рождеству он сиял, как новенькая игрушка, и в нём было бы не стыдно принять самое блестящее общество.

Семья моего брата жила в согласии, как и прежде. Джакомо, которого все теперь называли не иначе как «господин Риджи», даже внешне стал выглядеть лучше. Он ходил теперь в сюртуке и галстуке, у него была изящная трость, редингот и строгая высокая шляпа – всем своим видом он напоминал учителя. Прожитые в нищете годы стали причиной того, что волосы его поредели и побелели уже в сорок лет, но теперь, выбритый, прилично одетый и надушенный, он выглядел весьма импозантно. Даже в его походке появилось что-то уверенное, более смелое, раскрепощённое. Всем своим видом он внушал почтение.

Я знала, его тревожит нынче только одно: то, что Флери исчезла, как в воду канула. Полиция либо не хотела, либо не могла её отыскать. Опасаясь за младшую дочь, пятнадцатилетнюю Жоржетту, он теперь почти не выпускал её из дому, особенно боялся посылать её за покупками в лавки. Флери увезли именно из цветочного магазина. Так что за снедью ходила или служанка, или Стефания.

Жоржетта если и была огорчена этим, то виду не показывала. Она вообще казалась не по возрасту угрюмой и нелюдимой девушкой. Привлекательностью сестры она не обладала. Невысокая, плотно сбитая, с чуть нахмуренными бровями и волосами, беспощадно стянутыми назад, она почти всё время молчала, а если и говорила, то односложно. Книги её не занимали. Она возилась на кухне с матерью и ничего другого не требовала.

Я попыталась немного преобразить её, заказала ей несколько красивых платьев, но она так дичилась и не проявляла никакого интереса к этому, что я оставила свои попытки. В коне концов, не все созданы для того, чтобы пленять, блистать и очаровывать.

А Аврора… Вот кто расцветал с каждым днём и час от часу становился краше. Жизнь в столице действовала на неё так же ошеломляюще, как на меня когда-то Версаль. Она хотела бы везде побывать, всех увидеть, со всеми пококетничать. За ней многие пытались ухаживать; она такие попытки воспринимать ещё не умела и краснела от каждого комплимента, но румянец на её щеках и смущение в фиалковых огромных глазах были так привлекательны, что я даже побаивалась за неё. Лишь бы она не совершила глупость! Мне было слишком хорошо видно, что ей очень-очень нравятся знаки мужского внимания.

Я не хотела её ограничивать и стеснять её свободу, но взяла за правило всякий раз, когда она хотела поехать на прогулку, отвечать:

— Подожди, дорогая, я поеду с тобой.

Между нами была полная гармония. Она прислушивалась к любому моему совету, следовала всем замечаниям – особенно тем, что касались её гардероба. С тех пор как у модисток ей были заказаны наряды, в комнате Авроры всё стояло вверх дном: платья, чулки, шляпные коробки, ленты валялись повсюду. Она то и дело бегала ко мне с вопросами:

— Мама, голубая лента будет хорошо смотреться на шляпе, которую я надену завтра?

— Мама, пойдёт ли мне чепчик, в каком мы видели мадам Рекамье?

— А перчатки? А кружева? А шаль? Она непременно должна быть из кашемира, это так модно сейчас!

Однажды, когда мы собирались в Оперу, она вошла в мою туалетную комнату и спросила, можно ли ей для сегодняшнего выезда сделать высокую причёску, как у взрослых женщин.

— Право, мне кажется, не стоит, – сказала я. – Тебе ведь нет ещё и шестнадцати. Тебе слишком рано, Аврора.

— Ну, мама, пожалуйста!

Она, быстрым движением собрав волосы, подняла их вверх и, залившись румянцем, посмотрела на меня; при это она до того похорошела, что я растеряла все слова для отказа.

— Хорошо, но это лишь один раз, – сказала я, сдавшись. – Честное слово, не знаю, что мы будем делать, если к тебе кто-нибудь посватается.

Она ответила – важно, как в парламенте:

— Мы будем рассматривать предложения в порядке поступления, мама.

Что я могла ей сказать? Она выросла. Скоро она станет совсем взрослой и самостоятельной.

Рождество прошло очень по-домашнему. Этот праздник, мирный, светлый, радостный, помог мне найти общий язык даже со Стефанией. Мы полностью простили друг другу все обиды. Моя невестка, немного оправившаяся от тягот прежней жизни, стала хоть чем-то напоминать молодую мадемуазель Старди, изящную итальянскую гувернантку. Рождество она встретила в платье приятного сиреневого оттенка, и, глядя на неё, разрумянившуюся, радостную, с весело сверкающими голубыми глазами, я подумала, что и она ещё может быть привлекательной… и что деньги, достаток, благополучие обладают волшебной силой порой избавлять человека от таких пороков, как сварливость и обидчивость.

Перед Новым годом, устав от предпраздничной суеты, я отдыхала в мягком кресле-шезлонге и просматривала почту. Покончив со счетами и письмами, я взялась за газеты. Все они были республиканские, и все кричали о победах Бонапарта: о пользе покорения Италии, унижении Австрии…

Кроме этого, сообщалось, что Институт внёс генерала в список «бессмертных». Надо же, за то, что человек лучше других умеет убивать и разорять итальянские города, его делают академиком!

Статьи всё ещё пестрели упоминаниями о том, как торжественно встречала Директория генерала в Люксембургском дворце, и упоминания эти выглядели смешно, потому что я знала: та церемония – сплошное лицемерие. Тогда все будто следили друг за другом. Да и чего иного можно было ожидать? Ни для кого не секрет, что директоры ненавидят Бонапарта, а он – директоров. Сейчас, на гребне славы, он жаждал получить кресло в Директории, а они не менее сильно стремились этого не допустить. Готовы были даже изменять законы, повышать возраст, по достижении которого можно занимать директорские посты, чтоб 28-летний Бонапарт и мечтать не смел об управлении государством…

Просто удивительно, как французские газеты ухитрялись восхвалять и его, и их. Кроме того, и самим газетам было несладко – недавно их было закрыто аж шестнадцать. Был установлен надзор над печатью, театрами, повсюду проводились домашние обыски, ссылки, повсюду вскрывали письма – словом, налицо были все атрибуты полицейского режима. Об этом, разумеется, не упоминали, но это было всем известно.

Ещё я узнала, что установлен новый поразительный налог – налог на окна и двери, исчисляемый в зависимости от внешнего вида жилища… Поистине там, наверху,– сплошные безумцы. О подобном налоге ещё со времён средневековья никто и не слышал.

И тут я заметила в конце страницы следующие строки:

«Национальное агентство прямых налогов имеет честь объявить…»

Глаза у меня расширились. Резко подавшись вперёд, я склонилась над газетой и быстро прочитала объявление. Потом газета выпала их моих рук, и я откинулась назад, сжимая виски пальцами.

Это было сообщение о том, что 5 января 1798 года, в пятницу, в полдень, состоится продажа так называемого «национального имущества». К нему в этот день были отнесены отель де Санс, отель Карнавале и отель на Вандомской площади.

Этот последний был когда-то моим. Именно там я и жила до первого замужества, там испытала волнение перед первым своим появлением в Версале.

«Так значит, он ещё не продан, – подумала я ошеломленно. – Он конфискован у меня, но ещё никому не продан. Кто бы мог вообразить? Целых шесть лет прошло, а он ещё остаётся собственностью государства».

Я снова склонилась над газетой и прочла о том, что, вероятно, будет много покупателей – банкиров, финансистов и поставщиков. Да, у них это теперь в моде – покупать незаконно конфискованные дома и жить в них. Слова о «банкирах и финансистах» навели меня на мысль об одном очень хорошо известном мне банкире – Рене Клавьере. Впервые за всё время пребывания в Париже я вспомнила о нём, и ярость переполнила меня.

— Мерзавец! – пробормотала я в бешенстве. – Можно не сомневаться, что он будет на торгах. Да ещё и переиграет всех!

Ну, нет… Я должна бороться. На этот раз я не сдамся так легко. Теперь не август 1792 года, когда меня могли убить лишь за то, что я назову своё имя, и когда у меня не было ни гроша, чтобы противостоять Клавьеру. Теперь многое изменилось. Ах, мне лучше умереть, чем дать ему снова насладиться моим поражением, снова восторжествовать. Я должна что-то предпринять. Непременно.

Но как? Меня охватило волнение. Я ведь и сейчас не могу открыто выступать на торгах. Если я туда явлюсь, это будет для Клавьера вызовом. Своим появлением я подстегну его азарт. Он не постоит за ценой; предложит фантастическую сумму, лишь бы иметь удовольствие посмеяться надо мной. С влиятельным банкиром Франции и даже Европы я не могла

состязаться. Это было бы безумием. Вести войну с поднятым забралом равнозначно поражению. Но что же тогда делать? Что можно придумать в этой ситуации?

— Впрочем, какая разница! – яростно прошептала я. – Первое, что я должна сделать, – это найти деньги! Много денег! Об остальном я подумаю потом!

Денег-то как раз и не было. Из Бретани я увезла достаточную сумму, но гардероб Авроры и восстановление дома немало стоили. А сейчас мне надо было располагать очень значительным количеством денег – нужно не менее полумиллиона франков. Это не шутка. Черпать из герцогского бюджета, загоняя Белые Липы в долги, я тоже не могу – все дю Шатлэ, предоставившие мне в распоряжение роскошное бретонское поместье с угодьями и парком, вероятно, не поняли бы этого. Это была только моя война, не их. Стало быть, надо искать выход в Париже.

Надо найти денег… А потом найти человека, который заменил бы меня. Подставное лицо, которое не вызовет подозрений у Клавьера. Господи, если бы только мне это удалось!

Я лихорадочно ходила из угла в угол, ломая руки. Вопросов было много, но ни на один я не находила ответа. Положение казалось мне безвыходным. Я уже готова была предаться отчаянию, сесть и заплакать, как мой взгляд остановился на ларце с драгоценностями.

— Мои изумруды!.. – выдохнула я облегчённо.

Да, целая коллекция, привезённая из Голконды и подаренная мне Александром… Он хотел, чтобы я отдала их в отделку, чтобы ювелиры сделали для меня великолепный изумрудный гарнитур. Что ж, с этой мечтой придётся распрощаться. Я готова пожертвовать и большим, лишь бы не видеть Клавьера хозяином того дома. Достаточно и особняка на площади Карусель – я всегда бываю унижена, когда проезжаю мимо него и сознаю, что там хозяйничает Клавьер. Да ещё и перестраивает его.

Боже мой, как мне хотелось, чтобы поскорее наступил Новый год, а особенно – следующее утро. Я так хотела начать действовать.

5

Было ещё совсем рано, когда я приехала на улицу Сантонж, в респектабельное заведение известного ювелира Гюстава Бонтрана.

Я сразу заявила, что желаю соблюдать полное инкогнито. Никаких имён, никаких лишних вопросов. Гербы на моей карете были скрыты под слоем краски. Я была в черном строгом наряде, который не позволял судить о том, насколько я богата. Темная вуаль была так густа, что даже я, глядя в зеркало, своего лица не различала, а шляпа была надета так, что никто не смог бы догадаться о цвете моих волос.

Клавьер ни за что не должен знать, что я что-то продавала и нуждалась в большой сумме денег. Лучше, если бы он вообще не слышал о том, что я в Париже. Пусть никакие вести обо мне не тревожат его, не возбуждают подозрения – это было залогом моего выигрыша.

Ювелир принимал меня сам и был вежлив и предупредителен. Я показала ему изумруды, и он долго изучал их.

— Что ж, – заявил, наконец, Бонтран. – Если эти камни ещё хорошенько почистить, им цены не будет.

— Как вы думаете, сколько я могу получить за них?

— Миллион франков, сударыня.

Поглядев на меня из под очков, Бонтран сказал:

— Я бы купил их у вас за эту сумму.

Сама я полагала, что изумруды стоят вполовину дороже, но перечить не стала. У меня теперь было другое условие.

— Для хорошего гарнитура здесь не хватает главного камня, сударыня. Так сказать, венца…

Я прервала его:

— Мэтр Бонтран, мне нужны деньги немедленно.

— Я не заставлю вас ждать. Я передам вам деньги через неделю.

— Вы не поняли. В моем расположении нет недели, нет даже пяти дней.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу получить деньги самое большее через три дня.

— Утром четвёртого января?

— Да.

— Я смогу дать ответ через минуту.

Он аккуратно сложил камни в футляр, отдал его мне и с поклоном удалился, попросив меня подождать. Я опустилась в кресло, задумчиво подпёрла подбородок рукой. Потом поглядела на часы. Хотя бы он поскорее возвратился! Лихорадка нетерпения просто сжигала меня. Я чувствовала, что успокоюсь только тогда, когда буду иметь в своих руках этот самый миллион.

Большой зал блестящего ювелирного магазина понемногу оживал. Появлялись посетители, все как на подбор одетые богато, но слегка безвкусно. Буржуа, решила я. Новые хозяева. Равнодушно следя за ними глазами, я подумала, что, если Бонтран не сможет выполнить мое условие, ещё не всё потеряно. Я отправлюсь к другим ювелирам. У кого-нибудь мне повезёт.

Моё внимание привлекла молодая дама в тёплом меховом манто и высокой шляпе с перьями. Она была одета безупречно, и это заинтересовало меня. Я инстинктивно почувствовала в ней свою. Дверь перед ней распахнул служащий магазина. За дамой шла горничная. На миг они остановились посреди вестибюля и о чём-то перемолвились, потом хозяйка направилась к витрине. Через миг я увидела, что она беседует с приказчиком, и поглядывает на меня так же заинтересовано, как я только что поглядывала на неё.

Кто она? Аристократка? Может быть, даже моя знакомая? Женщина, как и я, была под вуалью, конечно, не такой густой, как у меня, но разобрать черты её лица издали было трудно.

— Мадам!

Этот голос вывел меня из задумчивости. Подняв голову, я увидела рядом с собой служанку заинтересовавшей меня женщины.

— Что такое?

— Мадам, моя госпожа спрашивает, действительно ли вы собираетесь продавать изумруды.

Несколько удивленная, я потвердила это.

— И правда ли то, что эти изумруды из самой Индии, из Голконды?

— Да.

— В таком случае, мадам, моя госпожа очень хотела бы взглянуть на них. Она бы могла заплатить немного больше, если бы ваши изумруды подошли ей.

— Да, но меня ждёт разговор, и сейчас ко мне выйдет мэтр Бонтран. Боюсь, я…

Я посмотрела на даму, стоящую у витрины. Что-то подсказывало мне не отказываться от предложения. В конце концов, это лишь увеличит мои шансы на удачу.

— Как имя вашей госпожи?

— Её зовут мадам Брюман.

Я качнула головой. Вот как… Брюман! Это имя принадлежало одному довольно известному коммерсанту, владельцу многочисленной недвижимости в Париже, ресторанов, игорных домов и пансионов.

— Передайте вашей хозяйке, что я согласна поговорить с ней.

Мадам Брюман приблизилась, поклонилась, и я приветливо кивнула ей. Когда она садилась рядом, на меня повеяло свежим ароматом лилий. У неё и в отношении духов был неплохой вкус.

— Понимаю, что моё предложение неожиданно, – сказала она, улыбаясь чуть виновато. – Но я так мечтала об изумрудах… о настоящих «индийцах». Это такая редкость.

Я машинально передала ей футляр, а сама уже чувствовала, как холодеют от волнения мои руки. Она сидела, чуть наклонив голову, в профиль ко мне, а её вуаль была достаточно прозрачной, чтобы я могла видеть черты ее лица. Смуглая кожа, большие карие глаза с янтарным оттенком. Вьющийся чёрный локон касается щеки, в мочку уха вставлена неяркая бриллиантовая серёжка.

Я узнала её. Теперь я не сомневалась. Я знала, почему с первого же взгляда она завоевала моё внимание. Мы ведь были знакомы. Мы пережили вместе самые жестокие испытания: штурм Тюильри, ужасы сентябрьских дней 1792 года. Подумать только, она стала мадам Брюман, сменив своё имя… И какое имя – Валентина де Сейян де Сен-Мерри!

Я давно взяла себе за правило никого не судить. Да и откуда мне было знать, что приключилось с Валентиной за эти годы, каковы были обстоятельства её жизни. Всякое могло случиться. Женщины чаще всего становились жертвами этой многолетней смуты, но не каждая женщина смирялась с этим. Иные предпочитали измениться, но не погибнуть. И не всем же аристократкам везло на встречу с Александром.

Она восхищённо разглядывала камни.

— Клянусь Богом, мадам, это восхитительно! Через неделю мой день рожденья, муж просил подобрать себе подарок. Но что может быть лучше этого?

— А кто ваш муж? – спросила я. – Господин Брюман – это тот самый владелец недвижимости?

— Да, можно так сказать.

— Давно вы замужем?

— Четыре года.

— То есть вы повстречались с господином Брюманом ещё во время террора.

Она взглянула на меня чуть удивлённо и ответила уже гораздо сдержаннее:

— Да.

Видимо, ей мои расспросы показались неуместными. Я ведь даже имени своего не назвала. Ещё раз полюбовавшись переливами изумрудов в блеске зимнего солнца, мадам Брюман сказала:

— Мне известно, что ювелир предложил вам миллион франков за эти камни. Если вы будете столь любезны и уступите мне их, я заплачу на сто или двести тысяч больше. Мне ещё надо уточнить, какой именно суммой я располагаю.

Я ничего не ответила. Потом подняла вуаль.

— Валентина, это же я. Вы помните меня?

Какой-то миг она непонимающе смотрела на меня, потом чуть зажмурилась, словно хотела проверить зрение, и бледность разлилась по её лицу. Негромко и очень нерешительно она спросила:

— Сюзанна?

Я кивнула. Она хотела ещё что-то сказать, но, похоже, не могла собраться с мыслями, и я, боясь, что меня узнает не только подруга, сжала руку Валентины.

— Ради Бога, молчите. Давайте уйдём отсюда! Нас не должны видеть вместе.

Она ничего не понимала, но послушно поднялась и пошла за мной к выходу. В этот миг за конторкой появился ювелир.

— Мадам, – произнёс он мне, – имею честь сообщить вам…

— Нет-нет, – сказала я поспешно, снова опуская вуаль. – Сделка не состоится. Мои планы изменились, мэтр Бонтран.

Я затащила Валентину в свою карету – благо, что она шла за мной послушно, как ребёнок, сама захлопнула дверцу и приказала кучеру ехать в какое-либо спокойное и безлюдное место.

— В парк Монсо, может быть? – осведомился он.

— Да, да, именно туда!

Я повернулась к вновь обретённой подруге.

— Вы согласны? Согласны ехать туда?

— Но почему именно туда? – кротко возразила она. – Я бы так охотно пригласила вас к себе!

— Дорогая моя, вы, может быть, удивитесь, но оставаться с вами у всех на виду – это самое ужасное для меня в нынешнее время.

— Почему?

— Потому что мне необходима ваша помощь.

Ничего необыкновенного не было в том, что бывшая мадемуазель де Сейян, чей отец был расстрелян за роялизм, чей жених воевал за короля на юге Франции, стала женой буржуа. Это лишь на первый взгляд могло показаться возмутительным. Покинутая всеми, даже мной, Валентина не имела ни денег, ни определённых намерений. 1793 год – то было время, когда Франция захлёбывалась в крови. Чтобы выжить, нужно было уметь драться, пускаться в авантюры, изворачиваться. Валентина ничего этого не умела. Комитеты в те дни охотились за всеми, кто своими манерами хотя бы отдаленно напоминал аристократа. Нужно было искать прикрытие. И оно нашлось – в лице торговца Жака Брюмана, сделавшего мадемуазель де Сейян предложение. Она стала мадам Брюман, а это имя уже не внушало подозрений. А преуспевающий буржуа лишь потом оценил, до чего удачный сделал выбор: при Директории стало очень модно жениться на аристократках и украшать своё богатство ещё и блеском титула жены – пусть не столь важного сейчас, но приятного для честолюбия.

— Я должна была думать не о чести и даже не о том, что совершаю мезальянс, – проговорила Валентина, словно пыталась защититься от моих ещё невысказанных упрёков. – Я даже об отце не думала. Возможно, это звучит эгоистично, но мне хотелось жить, просто выжить…

— Вам незачем оправдываться. Я понимаю вас лучше, чем вы думаете.

Парк Монсо был безлюден сегодня. Погода была чудесная. Даже солнце скупо светило из-за туч. И всё же я, опасаясь, что мы находимся слишком на виду, увлекла Валентину в «Лилльскую красавицу», то самое бистро, где мы с Изабеллой в ужасные времена Робеспьера пили лимонад. Сейчас нам подали кофе и ванильные пирожные.

Валентина спросила:

— Понимаете ли вы, с кем вы связываетесь, Сюзанна?

— Кого вы имеете в виду?

— Клавьера.

Я не ответила, ожидая, что скажет по этому поводу Валентина.

— Мой муж дружен с ним. Хотя “ дружен” – слишком сильное слово… Клавьер несколько раз обедал в нашем доме. Он до того бесстыден, что осмеливался ухаживать за мной, а через минуту называл Жака «друг мой». Я не люблю этого человека. Он не нравится мне. Я… я даже немного боюсь его. А вы?

— Я знаю его куда лучше , чем вы, Валентина, но нисколько не боюсь. Его надо бить его же оружием – только этим его остановишь. Клавьер коварен, стало быть, я тоже должна стать коварной.

Валентина, немного помолчав, выразила сомнения насчёт того, что у нас обеих есть способность к коварству. К тому же, она жила со мной, когда мой роман с Клавьером только начинался. Ну, когда он обольщал меня грудинкой, банками кофе, апельсинами и цветами. Пару раз она даже открывала ему дверь.

Я решительно отвергла все эти опасения.

— Он вас не запомнил, Валентина, просто не мог запомнить. Вы понравились ему сейчас, потому что вы расцвели, стали хорошо одеваться… Если бы он заприметил вас тогда, то тотчас бы стал к вам приставать, будьте уверены.

— Но ведь он любил вас в те годы.

— Что за чушь! Ему просто было по вкусу сражаться за меня как за приз. Покорить знаменитую придворную даму, прежде занимавшую место на самой вершине версальской иерархии – вот что было для него важно… Так, соревнование вроде спорта. Разве он намекал вам когда-либо, что он знал вас прежде?

— Нет.

— Ну, вот видите.

Я усмехнулась, вспомнив слова Валентины о том, что Клавьер пытался добиться её расположения. Это у него в крови – погоня за аристократками. Ах, до чего же мелкая душа у этого человека! Как он несчастен, должно быть!

— Я рада, что он ухаживал за вами.

— Почему?

— Потому что вы теперь сделаете вид, что меняете своё отношение к нему. Вы подобреете и намекнёте, что не прочь приобрести отель на Вандомской площади. Вы попросите не составлять вам конкуренции.

Глаза Валентины расширились от ужаса.

— Я хотела бы помочь вам, но если…

— Что?

— Если он потребует платы прежде, чем окажет мне эту услугу?

Я вздохнула. Что это за вопрос! Разве я с девочкой разговариваю? Право, как трудно иметь дело со столь добродетельными дамами!

— Валентина, но вы же женщина! Вспомните об этом! Неужели вы не сумеете выпутаться? Немного ласковых слов, пленительная улыбка, уступчивость, неопределённое обещание…

Я с отчаянием добавила:

— В крайнем случае, он вас поцелует! Только-то!

— Вам легко говорить. Но я-то никогда не была похожа на вас. Мне бы не хотелось, чтобы меня целовал чужой мужчина. Это грешно.

Я почувствовала, как во мне закипает гнев. Заставляя меня убеждать её, уговаривать, она поступала не слишком по-дружески. Мне нужна её помощь, но помощь невозможна без некоторых усилий! Или она хотела бы помогать, не шевеля и пальцем?

С тоской поглядев на меня, мадам Брюман произнесла:

— Совершив всё это, я навлеку неисчислимые неприятности на своего мужа. Клавьер не поверит, что это сделано без его ведома. Я причиню вред Жаку, а он так помог мне! Это будет уже дважды грешно.

Я метнула на него убийственный взгляд. Хотела сдержаться, но не смогла.

— Знаете, милая Валентина, наш разговор кажется мне весьма удивительным… Я не хотела напоминать вам, но, раз уж мы заговорили о грехе и добродетели, то скажу: если бы во время сражения за Тюильри, когда за вами гнались санкюлоты и когда вы бросились ко мне с криками о помощи, я стала размышлять о том, что убийство – грех, и не убила бы ваших

преследователей… мне кажется, вы не сидели бы сейчас рядом со мной. Как вы полагаете, дорогая?

Мои слова сразили её. Она даже слегка отшатнулась, закрывая лицо руками. Я была зла на неё за то, что она заставила себя уговаривать. Когда я защищала её, мне не нужны были уговоры! И я, не обращая внимания на чувство чести, заставлявшее меня сдерживаться, просто-таки добила Валентину фразой:

— Вам понравились мои изумруды. Я отдам их вам… даже если стоимость дома будет ниже, чем стоимость камней. Впрочем, если вы колеблетесь…

Я резко поднялась, быстро взяла со стола свои перчатки. Валентина схватила меня за руку.

— Бог с вами! – сказала она. – Я согласна. Простите меня. Я забыла, чем вам обязана… Расскажите, что я должна сделать.

Пристально глядя на неё, я села. «Нет, – подумала я. – Это не настоящая подруга. Это не Изабелла… Да и есть ли вторая Изабелла на свете?»

Изабелла, искренне любившая меня, никогда не потратила бы столько слов на объяснения. Да она и не была обязана мне так, как эта… эта мадам Брюман, сидевшая рядом.

Приехав домой, я обнаружила письмо от Талейрана:

“Любезнейшая мадам дю Шатлэ, Вы слышали, вероятно, о том приёме, который я даю в честь генерала Бонапарта. Почти 500 человек приглашено ко мне – как говорится, весь свет. У меня будут люди, знакомство с которыми было бы крайне Вам полезно. Буду рад представить их Вам.

Остаюсь Вашим покорным слугой и проч.”

Огорчённая донельзя, я села. Как неудачно всё сложилось! Как жаль, что Талейран, молчавший так долго, начал заниматься мною именно тогда, когда я скрываюсь от Клавьера. Всего до 5 января мне надо не попадаться ему на глазах. А приём состоится третьего. Могу ли я не пойти? Мне приходилось выбирать: судьба мужа или дом.

Я обязана пойти, это необходимо… Талейран обещает познакомить меня с людьми, которые имеют власть и могут изменить жизнь семьи дю Шатлэ. Вероятно, среди приглашённых будет и Клавьер. Но кто знает, может быть, мне посчастливится не встретиться с ним. Сам Талейран пишет, что на приём придет полтысячи человек.

А если я встречусь с Клавьером, это ещё не значит, что такая встреча сразу наведёт его на мысль о доме. Самое главное – не дать ему понять, что я и Валентина знакомы. Всё прочее можно пережить.

6

День 3 января нового года выдался дождливым и сумрачным. К вечеру Париж и вовсе был окутан густым туманом. И всё же особняк Галифе на улице Варенн, где находилось, министерство иностранных дел и где был назначен приём, сиял иллюминацией: каждый огонёк был словно спрятан под защитным колпачком и светил сквозь непогоду. Разливали дымчатый мерцающий свет газовые фонари – невиданная новинка, пришедшая из Англии.

Множество гостей поднималось по широкой мраморной лестнице, расходившейся во все стороны, а я, на миг, замерев на ступеньках, подумала, что редко можно встретить особняк такого убранства и роскоши. На фоне белого потолка и голубых стен выделялись лепные посеребренные цветы, фрукты, раковины, струи фонтанов; ниши были затянуты шёлком с рисун-

ками Моннуайе, там же стояли вазы с тюльпанами, флоксами, лилиями. Уже была слышна музыка, пожалуй, уже начались танцы. Мы ведь приехали на два часа позже назначенного.

Лестница закончилась, и огромное золочёное зеркало отразило меня с ног до головы. Я сама невольно залюбовалась собой. На мне было узкое, почти облегающее платье из струящегося алого шёлка, яркого, почти цвета пламени, – оно обтекало меня, обрисовывало, резко подчёркивало белизну кожи, пламенело, а на изгибах ткани просто пылало золотом, которым были вышиты пальмовые листья на незаметных вертикальных разводах. Я казалась в этом пламенном туалете высокой, но хрупкой и тонкой, как девочка. Кроваво-красными розами были убраны золотистые волосы. Если не считать цветов, на мне не было украшений.

Аврора тоже украдкой поглядывала в зеркало, незаметно поправляла то локоны, то оборку. Она была в наряде из нежно-сиреневого муслина – он окутывал её фигуру, как облако, и так шёл её глазам, что от неё трудно было отвести взгляд. Нынче она снова смогла меня уговорить, и ей была сделана взрослая, высокая причёска: тёмно-русые волосы подняты, чуть завиты и с изяществом сколоты гребнем. Её тонкая шея, обвитая топазовым ожерельем, казалось благодаря этой причёске лебединой. Да и вся она была необыкновенно мила.

— Я так завидую тебе! – шепнула она. – Ты такая уверенная. А у меня внутри даже холодно становится от волнения…

— Волноваться нечего. Среди публики, которую ты увидишь, большинство людей ещё вчера были либо конюхами, либо солдатами. Что-то в этом роде… Ты увидишь, они даже разговаривать правильно не умеют.

Лакей, стоявший у дверей, громко объявил:

— Гражданка дю Шатлэ с дочерью.

Обилие окон и зеркал наполняло светом зал, в который мы вошли. Потолок был покрыт росписями. Бросалась в глаза золочёная резьба – фигурки амуров, короны, рокайли и диски образовывали пышные резные композиции.

Нас встретила любовница Талейрана, мадам Грант, привлекательная золотоволосая женщина, находившаяся при министре на положении, как говорил граф д'Артуа, «почти что жены». Я уже успела узнать, что её считают дурочкой, и едва послушав то, что она говорила, согласилась с этим мнением. Мадам Грант не скрывала того, что восхищается сама собой, и была чрезвычайно горда своей ролью на столь важном приёме. Она несколько раз повторила нам, сколько денег было затрачено на создание великолепия, ныне нас окружающего. Натянуто улыбаясь, я поспешила расстаться с ней, сказав, что её внимания ожидают другие гости.

— Какая она забавная, – сказала Аврора. – Она знает тебя?

— Нет. И я её не знаю. Я вообще здесь ни с кем не знакома.

Это была правда. Пока мы с Авророй, мило беседуя, шли по залу, я очень ясно ощутила всю степень нашего одиночества. Аврора говорила, что я выгляжу уверенной. Возможно, это и так, но это только видимость. Внутренне я была растеряна. Я глядела вокруг и не видела ни одного знакомого лица. Люди на балу, честно говоря, были мне слегка неприятны. Я сама была недовольна тем, что замечаю все мелочи: взрывы слишком громкого смеха, развязные манеры мужчин, полуголых женщин, одетых в вызывающе прозрачные платья, под которыми, кажется, не было даже белья… то, что офицеры – республиканские офицеры, разумеется, – даже не отцепили сабли, и те, вероятно, бьют дам и их самих по ногам во время танца… На меня кое-кто поглядывал с явным интересом, но я лишь плотнее сжимала губы в ответ на эти взгляды. Внимание не слишком воспитанных синих было для меня почему-то унизительным. Как они смеют смотреть столь нагло, так, будто я уже обещала им что-то? Лучше бы выучились для начала правильно произносить слова, а не гнусавить, как простолюдины из Сент-Антуанского квартала!

Один из них приблизился, приглашая меня на танец, но я ответила так резко, что он не посмел настаивать. Ну уж нет, танцевать с этими людьми я не буду… Мне вообще казалось

предательством то, что я пришла сюда. Конечно, я пришла ради Александра… Ах, поскорее бы объявился Талейран!

Я вовсе не была закоренелой ретроградкой. Я понимала, что прошлого не вернуть. Но, Боже мой, даже при этом, что я была готова к миру, годы революции не прошли для меня даром. Эти люди, одетые нынче в шёлк и бархат, танцующие котильон, – это ведь те самые люди, что совсем недавно убивали нас! Ни за что! Просто так! Лишь из-за того, что фамилия у меня была не такая, как у них, и я знала своих предков до двенадцатого колена!

Я с треском захлопнула веер, и гримаса ярости исказила моё лицо. Мне показалось, что Аврора обращается ко мне.

— Что ты говоришь, дорогая? Прости, я прослушала тебя.

— Мама, погляди, вот тот человек… – Голос её прозвучал робко. – Он наверняка пригласит меня. Можно?

— Что?

— Можно ли мне танцевать с ним?

Я вздохнула.

— Почему же нет, дорогая? Это только от тебя зависит. От того, нравится ли тебе этот человек.

Аврора упорхнула от меня через две секунды после того, как я произнесла это. Я посмотрела ей вслед, подумала о том, что вовсе не следует внушать таким юным девочкам ожесточение, свойственное мне, и медленно двинулась дальше, машинально разворачивая веер.

Звучала музыка, и, казалось, с каждым новым тактом на меня смотрело всё больше и больше мужчин. Я сознавала, как притягательно и ярко выглядит моё пламенеющее платье в этом зале, полном бледных женщин и вульгарных офицеров, и уже сожалела, что надела его. Лучше было предпочесть что-то менее заметное. И Талейрана нигде не было видно… Мне вовсе не хотелось пробыть здесь до полуночи, занимаясь поисками министра!

Я приблизилась к киоску и взяла стакан лимонада. Становилось жарко. Аврора не спешила возвращаться. И в этот миг, когда я почувствовала, что начинаю злиться, позади меня раздался голос, который я сразу узнала:

— Вы опоздали, мадам. Я… э–э, можно сказать, я уже начинал досадовать.

Я чуть склонила голову в ответ на поклон Талейрана.

— Мне казалось, что и вы, господин министр, не слишком стремились со мной встретиться.

— Я? Вы полагаете, что после столь восхитительного внимания с вашей стороны я могу быть столь неучтив и забывчив? Похоже, вы крепко меня презираете, госпожа дю Шатлэ.

У него в руках была роскошная, редкой работы табакерка; он открыл её, собираясь, видимо, нюхать табак, и мне стал, виден мой изумруд, вделанный в крышку. Более чудесного украшения для такой красивой вещи и придумать было нельзя. Я поняла, о каком внимании толковал Талейран, и невольная улыбка скользнула у меня на губах.

Талейран, сразу взяв деловой тон, произнёс:

— Сейчас я представлю вам человека, который нынче занимает важный пост, но в будущем, несомненно, добьётся большего. Вы уж найдите способ поговорить с ним.

— Какое влияние он имеет? Он министр?

— Он из военного министерства. Правая рука военного министра Шерера; именно в его компетенции судьба мятежников – казнить их или миловать…

Взглядом он попросил меня повернуться. Я повиновалась, поглядела и, честно говоря, остолбенела.

Это был Доминик Порри, которого я не видела уже год с лишним. В светлом сюртуке неплохого покроя, белом галстуке, жилете и кремовых кюлотах, с каким-то республиканским орденом на груди, он выглядел весьма солидно. Он вообще внушал уважение – высокий, уве-

ренный в себе. Я даже подумала, уж не заважничал ли он. Его русые волосы были напудрены, чего я не замечала раньше. Он тоже смотрел на меня и тоже был поражён. Хотя, вероятно, его предупредили о предстоящем знакомстве так же, как и меня.

Я с невольным ужасом поглядела на Талейрана и прошептала:

— Вы полагаете, этот человек продажен?

— Всё окружение Шерера продажно, верьте мне, моя дорогая.

Он произнёс это таким тоном, что у меня появились основания рассчитывать, что Талейран на моей стороне, и это меня чуточку приободрило.

Доминик приблизился. Лишь краем уха слышала я обычные слова, произносимые Талейраном: «Мадам, позвольте вам представить гражданина Порри, чрезвычайно приятного человека… Гражданин Порри, это – гражданка дю Шатлэ, она наслышана о вас и давно хотела познакомиться…»

— Да, давно, – повторила я без всякого выражения.

Встреча с Порри подействовала на меня ошеломляюще. Я вдруг вспомнила тот день в Ренне, после того, как Александр стрелял в Гоша. Доминик освободил меня тогда, но что это было за освобождение! Он мне прямо заявил, что быть добрым самаритянином ему надоело. Тогда мне было безразлично, что он хотел этим сказать. Возможно, он просто злился? Ах, чёрт бы его побрал! Этот человек делал мне только добро, но сейчас я бы предпочла видеть на его месте любого другого!

Талейран ушёл, сказав ещё несколько любезных фраз. Доминик предложил мне руку; от меня не ускользнуло то, что вид у него при этом был несколько угрюмый.

— Думаю, мы оба понимаем, что то, что говорил сейчас Талейран, – не более, чем слова, – произнёс мой старый знакомый.

— Да, наша встреча не случайна. Я приехала сюда с ясно определённой целью.

— Честно говоря, нечего было вмешивать министра. Если уж вы хотите чего-то добиться, могли бы приехать прямо ко мне.

— Боже мой, но ведь я даже не знала, где вы живёте, Доминик.

Его лицо исказилось.

— О, конечно. Вы предпочли узнавать адрес Талейрана, а не мой. Как там у вас говорится? Он ваш собрат по сословию.

Я передернула плечами. Потом ясно, в упор поглядела на Доминика.

— Гражданин, Порри, отвечайте прямо: намерены вы со мной разговаривать или нет?

— Да. Намерен, – произнёс он отрывисто и едва заметно глотнул.

— В таком случае идёмте туда, где потише и поспокойнее. Вы знаете здесь такой уголок?

— Не пытайтесь уверить меня, что вы здесь впервые.

Его тон мне не понравился, и я решила хоть как-то одёрнуть этого слишком возомнившего о себе чиновника.

— Сдаётся мне, гражданин комиссар секции, вы склонны ссориться со мной, – сказала я и гневно, и колко, и чуть насмешливо.

Он молча забрал у меня стакан лимонада, который я всё ещё сжимала пальцами, и произнёс:

— Мне жаль, что вы продолжаете считать меня болваном.

В зимнем саду было тихо и цветочный аромат разливался в воздухе – словно наперекор зиме и непогоде. Звуки музыки и шум зала почти не доносились сюда. Остановившись возле зарослей рододендронов и розового амаранта, я повернулась к спутнику.

— Вы, вероятно, знаете, чего я хочу. Можете ли вы помочь мне?

Он вдруг резко, сильно взял меня за талию, привлёк к себе так, что я на миг утратила способность дышать, и не смогла даже выставить вперёд локоть, чтобы защититься.

— Чего вы хотите! – повторил он угрюмо. – А вы когда-нибудь думали, чего хочу я?

Он был гораздо выше меня, но сейчас его лицо оказалось совсем близко к моему. Я видела его глаза, его полные губы, чувствовала запах довольно крепкого одеколона – всё это вызывало у меня лёгкую неприязнь.

— И чего хотите вы? – спросила я безучастно, размышляя и продумывая свои действия на ход вперёд.

Чувства этого человека никогда не были для меня тайной. И никогда не находили во мне ответа. Но отталкивать его сейчас, отталкивать резко, возмущённо, неделикатно – это означало бы подвергать риску успех моей задачи.

— Я хочу вас! Неужели это так непонятно!

«Как он стал смел! – подумала я даже с лёгким презрением. – И всё потому, что я от него завишу!» Мне не нравилось, когда на меня смотрели так по-животному, как сейчас. Он порывисто наклонился, припал к моим губам, но я с недовольным вздохом отвернула голову, и поцелуй получился весьма краткий, скользящий.

Он обнял меня сильнее, просто сдавил в объятиях.

— Как же вы прекрасны! – прошептал Доменик, касаясь губами моего уха. – В этом платье, сейчас… Я знаю, вы – моё проклятье, но вам стоит только слово сказать, только попросить… Попросите меня так, как только вы можете! Нет ничего такого… чего бы я не выполнил для вас… для того, чтобы иметь повод быть с вами!

Я выскользнула из его рук, находя шепот Порри немного безумным. Честно говоря, его поведение вообще вызывало у меня тревогу. Я очень жалела, что что-то внушила ему. Как было бы приятно иметь дело с человеком совершенно равнодушным!

— Доминик, довольно, – сказала я резко, поправляя волосы и платье, изрядно помятое им. – Все эти страсти достойны детей – вы не находите?

— Детей? – переспросил он с каким-то тупым гневом.

— Да. А мы уже взрослые люди и вести себя должны куда более уравновешенно.

— О да, разумеется! – воскликнул он с яростью, взмахивая кулаком. – Лишь когда речь идёт обо мне, вам приходит в голову, что моё поведение неуравновешенно!

Кусая губы, я посмотрела на него.

— Доминик, мне нужно поговорить о деле.

Я хотела поскорее оборвать все эти излияния и поговорить о важном. В конце концов, почему этот чиновник полагает, что меня непременно должна заботить его страсть ко мне? Это только его проблемы! И, правду говоря, его манеры ухаживать слишком мало пригодны для обольщения женщины.

Я присела на мраморную скамью у журчащего фонтана, какой-то миг молча прислушивалась к воркованию струй во внутренностях каменной чаши. Доминик стоял рядом, заложив руки за спину.

— Садитесь, – сказал я, поднимая на него глаза.

— Нет, мне угодно постоять.

— Как хотите… Вы женаты, Доминик?

— И это спрашиваете вы! – произнёс он негодующе.

— Ну не хотите же вы сказать, что так долго грезили лишь обо мне. Я знаю немного мужские привычки. Мимолётные встречи редко когда рождают крепкую привязанность.

— Что вы можете знать о мужчинах? Вы всегда заняты только собой. Вы используете их и бросаете, когда их помощь или услуги уже не нужны. Вы даже не считаете нужным платить им… хотя бы самым малым.

Я вспыхнула. Наверняка он намекает на то, что я сбежала от него после того, как выздоровела.

— Вы делаете добро лишь тогда, когда ожидаете за него платы? – спросила я резко, считая необходимым как-то ответить на оскорбление.

— А я вам уже говорил, что давно уже ничего не хочу делать даром.

Он задумчиво прошёл мимо клумбы. Обошёл фонтан, снова приблизился ко мне и произнёс:

— Талейран разъяснил мне, по какому делу вы явились в Париж. Мой патрон, министр Шерер, заинтересовался вами и был бы совсем не прочь получить с вас деньги. Разумеется, если я сперва проведу разведку и поддержу его намерения.

— Какую разведку?

— Если я доложу ему, что подвоха нет… и что взятку можно получить безопасно, не боясь компрометации.

«Какая компрометация? – подумала я насмешливо. – По-моему, ни одно министерство не славится взяточничеством так, как военное».

Вслух я сказала:

— Мне кажется Доминик, вы вполне можете успокоить своего патрона. Никакой ловушки я ему не устраиваю. Я люблю мужа больше жизни. Я согласна заплатить любые деньги, лишь бы он не был на положении вне закона. Можете так и передать Шереру.

— Конечно. Непременно. Но прежде чем я это сделаю, я должен кое-что обдумать.

— Что?

Он быстро, резко бросил мне в лицо:

— Я спас вас от гильотины, я вызволил вас из Консьержери, я возился с вами, когда вы были при смерти, я пускал вам кровь и лечил вас – так вот, дорогая мадам, я думаю, что имею право на некоторую часть того золотого дождя щедрости, который вы готовы пролить на моего патрона.

Некоторое время я недоумённо смотрела на него, потом вздох облегчения вырвался у меня из груди. Я тихо рассмеялась и, набрав в маленький стаканчик воды, сделала один глоток. Я так волновалась, а этот чиновник просто-напросто хочет денег!

— Имейте ввиду, что, если я не буду удовлетворён, Шерер и пальцем не пошевелит ради вас, – проговорил Доминик угрожающе. – Он доверяет мне. Он откажет вам, если я буду против.

— Но вы же не будете против. По крайней мере, я постараюсь сделать так, чтобы вы были довольны, мой друг.

— Вы на многое готовы ради мужа? – спросил он с кривой усмешкой.

— На многое.

Он снова трудно глотнул, потом сжал челюсти и, ступив шаг вперёд, протянул мне какой-то предмет.

— Возьмите!

Я взяла и с изумлением поглядела на то, что лежало на моей ладони. Это был большой железный ключ довольно грубого вида.

— Что это значит? – спросила я, вскидывая голову.

– Это ключ от меблированных комнат в гостинице на улице Шартр.

Я пожала плечами и тревожно поглядела ему в глаза.

— Не понимаю, – сказала я холодно. – Объясните.

Честно говоря, я уже догадалась, но мне не хотелось верить… в то, что он до такой степени изменился. Что он осмелился даже на подобное бесстыдство…

— Здесь нет ничего непонятного, – произнёс он слегка раздражённо, видимо, предчувствуя отказ. – Я буду ждать вас там завтра вечером. Завтра, послезавтра, через неделю – когда угодно!

И, будто желая запугать, он яростно напомнил:

— Это не шутка, предупреждаю вас! Мне надоело быть дураком, каким-то сумасшедшим Пьеро… Я вовсе не таков. Моё намерение решительны. Если вы хотите достичь цели…

Бледность разлилась по моему лицу. В этот миг мне страстно захотелось, чтобы Александр был рядом и хорошенько проучил бы этого наглеца. Этого шантажиста. Этого вымогателя, чьё вожделение мне просто противно… Всё-таки годы достойной жизни в Белых Липах отучили меня от подобных предложений, и я уже не воспринимала их так спокойно, как во время террора.

— Такова плата, которую вы мне назначили? – спросила я сухо.

— Да! – почти выкрикнул он. – Такова плата, если вам угодно так это называть! Всё должно быть оплачено. Не думаете же вы, что…

Он не договорил. Я плеснула ему в лицо водой из стакана, который ещё был у меня в руках. Я просто не могла больше терпеть. Эта наглость должна была быть остановлена.

Он умолк, сразу как-то сникнув. Я швырнула к его ногам ключ и, глядя на бывшего комиссара секции с крайним отвращением, произнесла:

— Мне жаль, что я была знакома с вами, сударь. – И ледяным тоном добавила, удаляясь: – Надеюсь, наша встреча больше никогда не повторится.

Вернувшись в зал, я поначалу замерла на месте, оглушённая музыкой, сиянием огромных люстр и тем, что только что случилось. Пальцы у меня немного дрожали. Я дважды глубоко вздохнула воздух, призывая себя успокоиться и всё забыть. Да и что было помнить? Наглую выходку какого-то буржуа? Мне пора привыкать к их бесстыдству. Похоже, для всех них связь с аристократкой – просто какая-то мания, способ самоутверждения. И всё-таки, какое нахальство!

Всё ещё кипя от возмущения, я прошла в уборную и привела в порядок платье и волосы. Словом, вновь приобрела безупречный вид. Я подумывала о том, не уехать ли домой. Этого мне хотелось больше всего: уехать, успокоиться, подумать… Но это были чувства, а умом я понимала, что необходимо оставаться.

Надо было всё рассказать Талейрану, попросить его поискать иные пути. Жаль только, что в нынешнем скопище людей его так трудно встретить.

Я снова пришла в танцевальный зал и стала взглядом искать одновременно и Талейрана, и Аврору. Отсутствие девочки уже начинало меня тревожить. Я даже сердилась на неё. Что касается министра, то его окружала такая толпа, что я не знала, как к нему приблизиться.

В этот миг лакей провозгласил – громко, перекрыв даже игру оркестра:

— Гражданин Клавьер с супругой.

Эти слова заставили меня вздрогнуть всем телом. Я обернулась и в конце зала действительно заметила Клавьера и Флору, которые только что вошли. Их сразу окружили какие-то люди. Я стала подумывать, куда бы уйти, но тут ко мне подлетела нарядная мадам Грант.

— Куда же вы пропали? Целый вечер вас не видно, и это очень жаль. Ваше платье произвело фурор даже среди дам… Пойдёмте, я введу вас в самый блестящий кружок на нынешнем вечере!

Я легко позволила себя увести, и мадам Грант, легкомысленно щебеча и расточая улыбки, повела меня туда, где пили чай.

Я взяла с подноса, поднесённого лакеем, крошечное блюдце и неохотно стала ковырять ложечкой кусочек воздушного пирога. Общество, где я сейчас оказалась, было почти полностью женским; приглядевшись, я заметила не одно знакомое мне лицо.

Совсем радом со мной, изящно спустив с одного плеча прозрачную накидку, в платье достаточно коротком для того, чтобы показать ноги в туфельках, сидела изумительно красивая Тереза Кабаррюс – женщина, с которой я часто в своей жизни встречалась, но с которой не

перемолвилась даже словом. Она обожгла меня внимательным взглядом чёрных глаз. Я повернулась к лакею:

— Чашку чая, пожалуйста.

Здесь же была Жозефина Бонапарт, супруга виновника нынешнего торжества и моя соседка по тюрьме Консьержери. Успехи мужа и её совершено преобразили: она, словно помолодела лет на пять, ожила, расцвела, стала ещё улыбчивей и приветливей, чем прежде. Талейран, как я поняла, сознательно сделал её центром приёма. Он и сейчас был рядом с ней: осыпал комплиментами, льстил так тонко, что я даже могла бы упрекнуть в излишней деликатности – эта женщина весьма пуста и проглотила бы и менее изысканные комплементы.

Краем уха я прислушивалась к разговору.

— Вы слышали? – спросила женщина, сидевшая неподалёку от меня. – Только что объявили, что Клавьер приехал.

— На месте его жены я бы лучше сидела дома, – с недовольной гримасой произнесла мадам Тальен, бывшая Кабаррюс.

— Почему, душенька?

— Мне достоверно известно, что она беременна. Ей следовало бы беречься, а не таскаться по балам. Вот, полюбуйтесь!– Тереза гневным кивком указала на танцующих.– Она веселится. И было бы кому! Ей уже за сорок, а этот ребёнок – первый. На её месте я не вставала бы с постели.

Я невольно передёрнула плечами, скрывая раздражение. Я почему-то верила, что хотя бы в этом отношении судьба Клавьера будет незавидна. Я думала, у него не будет детей, и он поймёт когда-нибудь, сколь много потерял. Так нет же – этому спекулянту во всём везёт: в махинациях, в финансах, даже в семейной жизни…

После того, что я узнала о Флоре, люди, среди которых я находилась, с каждой минутой стали казаться мне всё несимпатичнее. Я поглядывала на Талейрана, но его лицо оставалось непроницаемым. В это время началась какая-то суета; дамы вскочили с мест и с возгласом ринулись в зал, кого-то окружая. Никуда не двинулись только я, Талейран и Жозефина, и, как оказалось, не напрасно.

Человек, вокруг которого было поднято столько шума, не спеша, но решительно шёл туда, где сидели прежде дамы; женщины следовали за ним, что-то щебеча и осыпая его поздравлениями. Он подошёл, с едва заметной улыбкой поцеловал руку Жозефине, сказал что-то Талейрану. Человек был в блестящей генеральской форме. Я узнала его. Это был Бонапарт.

Впервые я имела возможность лицезреть этого нового кумира так близко и так свободно. У него была оливковая кожа корсиканца, большой лоб, прикрытый небрежно упавшими редкими тёмными волосами, серые, очень пристальные глаза, и рот, то сжатый в одну линию, то кривящейся в непонятной, полупрезрительной гримасе. Он был угловат, скован, неуклюж, держался без блеска и говорил с довольно сильным акцентом, так, что надо было привыкнуть к его выговору. Крайне неприятным показался мне его взгляд. “Чёрт возьми, – подумала я. – Этот низкорослый дикарь смотрит на людей, как на навоз…”

Дамы были в восторге. Буржуазки ловили каждое слово генерала и оглушали его своим щебетом. Мадам де Сталь, писательница, дочь знаменитого министра Неккера, имевшая репутацию женщины весьма неглупой, низким голосом спросила, прервав на миг общий гам:

— Генерал, было бы интересно узнать ваше мнение о нас. О женщинах. Какая из них наиболее вас привлекает?

— Моя жена, – резко ответил Бонапарт.

— Ну а какая заслуживает вашего уважения?

Генерал поглядел на мадам де Сталь в упор и отчеканил так резко, будто намеренно хотел быть грубым:

— Та, которая родила больше всего детей, сударыня.

«Боже, – подумала я в ужасе. – До чего мерзкий солдафон. Он, видно, считает нас чем-то вроде служанок и племенных кобыл. Бедная Жозефина!»

Я поднялась и вышла, находя, что нынешний вечер приносит мне одни неприятности. Было уже за полночь. Я взяла себе стакан лимонада, подумав, что так и не выпила его в прошлый раз. За этим стаканом меня и застал Талейран.

— Я не мог раньше уделить вам внимание, – сказал он.

— Да. Понимаю. У вас много забот. Этот генерал, генеральша, генеральские поклонники – всех их надо развлекать…

Мой голос прозвучал и зло, и насмешливо. Я злилась на себя за то, что слёзы поневоле выступают у меня на глазах. Я чувствовала себя как никогда одинокой. Смогу ли я добиться уступки от этого чужого, враждебного буржуазного мира? Смешно было даже мечтать о таком!

— Что сказал вам Порри, сударыня?

— Я не договорилась с ним.

— Надо было употребить все усилия. Не отчаивайтесь. Я устрою вам ещё одну встречу.

— Нет, – сказала я резко, сверкнув глазами. – Этот человек предложил мне цену, которую я не могу заплатить.

— Вы уверяли, что готовы тратить деньги.

— На этот раз плата выражалась не в деньгах.

Синие глаза Талейрана испытывающе смотрели на меня. Он осторожно сжал мою руку.

— Мне показалось, вы знали друг друга. Это правда?

— Как вы проницательны, – пробормотала я, горько усмехаясь.

— Это моя работа. Ну же, рассказывайте мне всё.

Я покачала головой, чувствуя, что вот-вот расплачусь. Его предложение всё рассказать прозвучало не то что мягко, но с таким дружеским спокойствием, что это расслабило меня, вызвало неопределимое желание поделиться с кем-то, попросить совета… Пересилив себя и подумав о том, что не следует слишком доверяться взяточнику и карьеристу, я произнесла:

— Ах, сударь, в этом нет ничего примечательного… Да, мы были знакомы. По тюрьме Консьержери. Никаких иных отношений я с ним не имела. Одному Богу известно, почему он решил, что может домогаться меня.

Талейран весьма задумчиво произнёс:

— Стало быть, придётся обойти Шерера. Я выведу вас на Барраса. Готовы вы к этому?

— Я ко всему готова, – сказала я, сразу воспрянув духом. – По крайней мере, с ним я вообще не знакома.

Талейран ещё раз осторожно сжал мою руку.

— Ну, а теперь поезжайте домой. Вам надо отдохнуть.

И, уже уходя, вполголоса добавил:

— Безумец ваш муж. Совершеннейший безумец!

В поисках Авроры я обошла все комнаты, поднялась даже на этаж выше, охваченная тревожными подозрениями, что она, может быть, поддалась на уговоры какого-нибудь проходимца и где-то уединилась с ним. Мои опасения не подтвердились, но тревога усиливалась. Я быстро спустилась по лестнице вниз, намереваясь поискать её ещё и в красной столовой, и на одной из ступенек столкнулась с высоким плечистым мужчиной.

Я отступила, поправляя сползшую с плеч шаль.

– Ба! – приветствовал меня Клавьер. – Что за невероятное совпадение!

Я сжала зубы, проклиная на чём свет стоит и этот приём, и всех приглашённых сюда, и банкира в особенности.

— Что за совпадение? – процедила я.

— Вы здесь, и я здесь. Это любопытно.

Он отступил чуть назад и окинул меня внимательным взором.

— Вы стали просто прелесть. Поздравляю вас.

Я молчала. В его тоне не было враждебности, и это меня настораживало.

— Ну, полно вам дуться! К чему вспоминать прошлые обиды? Мы оба немало накуролесили.

— Оба? – переспросила я. – Да я проклинаю день, когда вы появились на свет!

Он нахмурился.

— А вот это уже дурно. Нехорошо рассыпать повсюду проклятия. Это кончится плохо, прежде всего, для вас. И будет жаль. Я ведь, моя дорогая, всё забыл.

— Легко забыть обиды, нанесённые тобой, а не тебе, – процитировала я Сенеку.

— А вы по-прежнему уверены, что я виновен во всех ваших несчастьях? – Он рассмеялся. – Полноте! Виноваты только ваша распущенность да ваша голубая кровь… Никакого особенного зла я вам не причинял.

— Возможно, и так, – сказала я резко. – Поступки мужчины могут оскорбить наше достоинство лишь тогда, когда этот мужчина сам обладает достоинством.

Он широко мне улыбнулся.

— Ах, жаль, что вы так хмуро настроены… А вот я счастлив. Вы, наверное, слышали, какой сюрприз преподнесет мне Флора. Да и ваш дом… Совсем скоро он будет мой. Видите, как много у меня причин для радости.

— Еще не вечер, – сказала я так зловеще, что с лица Клавьера слетела улыбка.

Обойдя банкира, я стала спускаться по ступенькам. Благодушный вид сразу слетел с него. Он обернулся, больно схватил за руку.

— Ещё не вечер? Это ещё что такое? Вы смеете пророчить мне беду, вы, пустая кукла, набитая глупостями?!

Я резко выдернула свою руку и посмотрела на него сузившимися от бешенства глазами.

— Какая буржуазная непоследовательность! – произнесла я ледяным тоном. – Будучи пустой, я не могу быть набита глупостями, усвойте хотя бы это.

Разыскав, наконец, Аврору, я набросилась на неё с упрёками.

— Как можно? Как можно так поступить, я тебя спрашиваю? Глупая девчонка! Ты пропала куда-то на целых шесть часов!

— Но, мама, тебя же тоже не было в танцевальном зале!

— Тоже? Я взрослая женщина и могу постоять за себя. Я знаю жизнь. А ты… Ты только добавляешь мне неприятностей! Где ты была?

— Нигде, – пробормотала она ошарашенно. – Я танцевала, меня многие приглашали… потом гражданин Лужер учил меня играть в пикет. Ничего плохого в этом не было.

— Господин Лужер! Уже и гражданин Лужер какой-то появился!

Была подана наша карета. Я втолкнула Аврору внутрь, уже успев понять, что ничего дурного не случилось. С чего бы мне так волноваться? Я просто срываю на девочке злость. Это несправедливо.

— У тебя… неприятности? – робко шепнула Аврора, прижимая мою руку к своей щеке.

— Да. Есть немного.

— Я бы так хотела тебе помочь. Но ты же ничего мне не рассказываешь.

— Ах, Боже мой! – прошептала я, привлекая её к себе. – Не хватало ещё и тебе задумываться над этим…

— Ты из-за господина герцога всё это делаешь, да?

— Да.

— Я желаю тебе удачи… Я так люблю тебя.

Она была такая уставшая, что задремала у меня на плече. Домой мы вернулись уже в два часа ночи. Я поднялась к себе, с помощью горничной освободилась от бального туалета и накинула кружевной пеньюар. Эжени зажгла розовую лампу над мягким шезлонгом.

— Мадам ещё что-нибудь хочет?

— Нет, ничего. Ступайте спать, Эжени.

Я устало села, сбросила домашние туфельки, со вздохом откинулась назад. Несмотря на утомление, спать мне не хотелось. Некоторое время я смотрела на кольцо с изумрудом, украшавшее мой палец, – обручальное кольцо… Потом встала, разыскала коньяк и прямо из бутылки сделала глотков десять, не меньше. Захлебнулась и, отставив бутылку, снова села.

Мне было до того горько, что я едва сдерживала слёзы. От гнетущего чувства одиночества было ужасно пусто внутри. Горничная не задвинула портьеры, и за окном мерцал огнями ночной Париж. Не мой Париж, чужой. Непонятный мне. Я здесь абсолютно одна. Мне не везёт. Меня снова пытаются преследовать. И я никогда, никогда к этому холодному деляческому миру не привыкну…

Коньяк действовал быстрее, чем я предполагала. Меня бросило в жар. Пламя лампы расплывалось перед глазами, превращаясь в розовый туман; я смахнула слёзы с ресниц, но туман всё ширился, и в нём всё чётче вырисовывался остров. Волшебная изумрудная земля между аквамариновым морем и нефритовым небом. Буйная кипень апельсиновых рощ. Долина среди гор, алеющая цветами цикламена. Александр помогает мне плыть, а вода тёплая, как парное молоко, – она просто колышет меня… Потом тяжёлый пряный запах лилий на ночной дюне, жемчужный песок. Тогда я достигла наивысшего счастья. Мы с Александром словно растворились друг в друге – физически, душевно, мы даже дышали в унисон. И он сказал.. он сказал мне, что…

Кровь застучала у меня в висках. Всё это в прошлом! Даже до Корфу добралась напасть, мучавшая меня всю жизнь! Уже не сдерживая слёз, я зарыдала, уткнувшись лицом в сложенные на коленях руки.

7

Вид у Валентины, когда она рассказывала мне о торгах, был слегка испуганный.

Всё получилось так просто, что даже я этого не ожидала. Торги, как и было объявлено, состоялись в пятницу. Клавьер прибыл позже, чем Валентина, и она в ответ на его поклон улыбнулась так приветливо, что он оставил приказчика и подошёл к ней. Она предложила ему место подле себя. Он не без охоты согласился. Тогда Валентина робко шепнула ему о том, что хотела бы приобрести этот дом. При этом её рука коснулась его руки.

Он слегка подозрительно посмотрел на неё.

— Чем же я могу помочь, гражданка?

— Не мешайте мне… Я прошу вас.

— Вы просите? А что вам даёт на это право?

— То расположение, которое вы мне оказывали, – произнесла мадам Брюман слегка смущённо.

Он улыбнулся немного насмешливо.

— Кажется, я могу понять вас. Вы, как говорится, из «бывших», не так ли? Вам жаль вашу сестрицу по сословию.

— Какую сестрицу?

— Ту, которая жила здесь раньше.

Загоревшись вдруг какой-то мыслью, он сжал руку Валентины.

— Чёрт возьми, это недурная идея! Сидите-ка молча, моя дорогая. Обещаю, вы будете довольны.

Валентина повиновалась. Клавьер купил дом за триста тысяч франков и тут же, взмахом руки подозвав своего адвоката, написал дарственную на имя мадам Брюман. Сделав ошеломлённой Валентине королевский подарок, он выразил надежду, что его рады будут видеть на обеде, который Брюманы на днях устраивают.

Валентина была бела как снег, когда рассказывала мне это. Выслушав, я некоторое время молчала, поражённая так же, как и она тремя днями раньше.

— Так, значит, дом достался вам совершенно бесплатно? – спросила я наконец.

— Да. И вам тоже…

Порывшись в сумочке, она достала бумагу.

— Возьмите. Это дарственная на ваше имя… Дом отныне ваш.

Я взглянула. Бумага была оформлена по всем правилам, и сомневаться ни в чём не приходилось. И всё это досталось даром. Клавьер желал ещё раз посмеяться надо мной, показать, что ему ничего не стоит выкинуть триста тысяч на ветер ради того, чтобы сделать приятное мадам Брюман… и чтобы этим ещё сильнее уязвить меня. Но, похоже, на этот раз он сам себя перехитрил.

— Валентина, мои изумруды… Вам привезут их уже сегодня вечером…

У неё вырвалось сдавленное рыдание. Она закрыла лицо руками.

— Боже мой, что вы говорите! Какие изумруды? Вы что, платите мне за мою услугу? Ведь я не отдала за дом ни одного су!

— Но вы же так хотели иметь эти камни, – произнесла я, растерявшись при виде её слёз. – Послушайте, у меня и в мыслях не было обижать вас…

— Ах, я так боюсь! Ведь когда Клавьер узнает, он пожелает в порошок стереть и меня, и моего мужа!

— Сомневаюсь, что ему это удастся.

— Пресвятая дева! Разве вы забыли, что он сделал с вами?

— Когда он уничтожал меня, я была очень глупа и неопытна. Я ничего не понимала в коммерции. А ваш муж – финансист. Кроме того, на всякий случай я могу дать вам совет.

— Какой?

— Следите за прислугой. По возможности увольте всех, в ком хоть немного сомневаетесь, и ни в коем случае не нанимайте новых людей. Клавьер очень любит засылать шпионов.

— Вы поможете мне? Сюзанна, у вас такой опыт отношений с ним!

— Конечно, – улыбнулась я. – Можно сказать, что я немного знаю, на что этот человек способен.

Она утёрла слёзы.

— Сюзанна, вы не сердитесь на меня за то, что я жалуюсь. Вы же знаете, я всем желаю только добра, и вам в особенности. Пожалуй, даже если меня ждут неприятности, я не вправе упрекать вас… Только мне, к сожалению, немного страшно.

– Мы объединимся, – пообещала я. – Я ведь за вас в ответе. Только рассказывайте мне обо всём, чтобы я была в курсе.

— Вы придёте к нам на обед?

Я поражённо поглядела на Валентину.

— Как? Вы приглашаете меня, зная, что там будет Клавьер? Вы же говорили, что он напросился к вам в гости… Моё присутствие он расценит как насмешку с вашей стороны.

— Ах, он, вероятно, не придёт, – пробормотала Валентина. – К тому времени ему наверняка станет известно о нашем заговоре. Да и ваш успех тоже надо как-то отметить… Я познакомлю вас с мужем и пасынком.

— И всё-таки, Валентина… Если я не приеду к вам, у Клавьера ещё будут сомнения насчёт нашего заговора. А если приеду, ему всё станет ясно.

— Не всё ли равно? Снявши голову, по волосам не плачут…

Я приехала в дом на Вандомской площади сразу после этой беседы. Глухой сторож, приставленный к отелю мэрией и живший в будке возле ворот, взломал по моей просьбе входную дверь, так как ключ найти было невозможно. Вместе с Авророй мы прошли по комнатам.

Здесь царило запустение. Окна почти везде были выбиты либо хулиганами, либо непогодой, и внутри дома было холодно, как на улице. Моя догадка подтвердилась: всё было разграблено, растащено и утрачено навеки. От сырости со стены осыпалась отделка, с потолка отпадала лепнина, по шпалерам ползла плесень. Бархатные портьеры и те были кем-то содраны. Опрокинутые подсвечники валялись на полу. В гостиной ковёр был прожжен окурками до неузнаваемости – видимо, здесь заседала комиссия по конфискации. Крыша протекала, люк на чердак был распахнут, сквозь него с серого зимнего неба капли дождя падали на клавесин. Клавесин, впрочем, был безнадёжно испорчен. Исчезли все безделушки – статуэтки, шкатулки, вазочки. Исчезла даже мраморная ванна, а золотые краны в виде голов лебедей были сняты с баков для горячей воды. Даже белье и то украли… Да и чего иного было ожидать? Шесть лет минуло с тех пор, как дом был конфискован. Мне досталось теперь только стены и кое-что из мебели – так, самая малость.

— И всё же я рада, – сказала я.

— Рада? Ах, мама, сколько средств понадобится, чтобы привести всё в порядок!

— А я не намерена сейчас этим заниматься. Я рада тому, что эти стены – мои. Никто не сможет их отнять. Если роялистов, конечно, снова не начнут преследовать.

Я, впрочем, не очень-то верила в такую возможность. Как-никак, а времена изменились. Да и нечего антиреспубликанского я совершать не собиралась.

— Я помню этот дом, – сказала вдруг Аврора. – Помню, как звучал здесь клавесин…

Я ещё раз прошлась по гостиной, приглядываясь к каждой мелочи. Нечищеный паркет заскрипел под моими ногами, и несколько капель сорвалось с сырых стен.

— Ну вот, – проговорила я решительно. – Теперь лишь остаётся протопить здесь хорошенько и ждать… чем моя затея закончится.

8

Не будучи знакомой с Жаком Брюманом и зная его только по словам Валентины, я и предположить не могла, что он так стар. Вернее, что он настолько – по крайней мере, лет на тридцать – старше жены. Это и поразило меня более всего в самый первый момент. В остальном Брюман был ничего себе: высокий, плотный, видимо, на знающий никаких болезней, весьма цветущий, он вполне мог вызвать симпатию. Нрав его только усиливал это впечатление. Брюман-старший вёл себя шумно, весело, раскованно, всем своим видом показывая, как играет в нём здоровая буржуазная кровь, трепал свою жену по щёчке, хлопал по плечу сына, вытирал руки о скатерть и, заговорщически подмигивая, сообщал, что женился во второй раз лишь затем, чтобы досадить сыну от первого брака, «прощелыге и балбесу».

— Сколько денег он из меня тянет, сколько денег, сударыня! – восклицал Брюман. – Шампанское, карты, девчонки – это ведь у него без счёта. А Валентина? Знали бы вы, сколько средств уходит на одни только шляпки! И что, разве я могу возразить? Коль скоро взял в жены молодую дамочку благородных кровей – будь добр, содержи ее в шелках и бархате!

Я не могла понять, искренен ли он или просто дразнит своих близких. Валентина краснела от подобных нескромностей и нервно теребила салфетку. Я подумала, что, независимо от того, какая из версий верна, она не может быть вполне счастлива с таким мужем.

— А завещание у меня ещё не составлено ни на кого, – произнёс старый Брюман, положив себе кусок филе и поливая его кроваво-красным соусом. – Может, я ещё лет тридцать протяну, как вы полагаете, сударыня? А то, может, и Валентина преподнесёт мне нового сынка!

Я видела, что Дени, единственный сын этого человека, сжимает от гнева в кулаке вилку. Этому юноше было около двадцати трёх лет. Одетый в мундир воспитанника Политехнической школы, белокурый, с серыми глазами, в которых плясали искры ярости, он, похоже, только в воображении отца существовал как «прощелыга». Я сразу заметила, что Аврора понравилась ему, и искренне посочувствовала молодому человеку: каково ему сознавать, что она слышит насмешливую болтовню отца.

Жак Брюман, спохватившись, обвёл взглядом стол.

— А что ж это такое, Валентина? Похоже, наш друг сегодня не прибыл?

— Да, как видите, – отвечала мадам Брюман слегка неровным голосом. – Господина Клавьера нет.

— И он не прислал объяснений?

— Нет.

— Весьма невежливо с его стороны, дорогая моя. Мы нарочно поставили три прибора – для него, его жены и адвоката. Вы уж скажите ему при встрече, что он невежа.

— Скажите лучше вы, Жак.

— Мне нельзя, душенька. Мне надобно соблюдать дипломатическую выдержанность.

Мы с Валентиной переглянулись. Как я поняла, Жак Брюман пока что ничего не знал ни о нашей сделке, ни о неприятностях, которые она могла на него навлечь.

После обеда, весьма роскошного, но, пожалуй, чересчур обильного, я под благовидным предлогом заторопилась домой. Составлять компанию Жаку Брюману, играть с ним в карты или выслушивать его излияния мне вовсе не улыбалось. Но, едва сообщив хозяевам дома о том, что мы должны уехать, я увидела, как омрачилось лицо Авроры.

Молодой Брюман сказал:

— Позвольте вашей дочери остаться, сударыня.

— Ах, мама, я совсем недолго! – взмолилась Аврора. – Ты можешь прислать за мной карету. А господин Дени…

— Да, – сказал он. – Я провожу мадемуазель.

«Она уже называет его по имени», – подумала я.

Старый Брюман шумно вмешался в разговор.

— Если желаете благополучия своей дочери, не пускайте её с этим легкомысленным человеком ни в зимний сад, ни на прогулку, ни в театр – никуда!

Возникла неловкость. Все сделали вид, что не слышали этих слов, а Аврора так посмотрела на меня, что я кивнула.

— Хорошо. До вечера, дорогая.

Жак Брюман провожал меня до кареты и закончил тем, что ущипнул меня за локоть.

— Ба, да вы не худенькая! – сказал он на прощанье.

«Господи! – выдохнула я, едва дверца захлопнулась. – С кем только мне не приходится видеться! Уже за одно это мне должно повезти – в виде компенсации!»

Впрочем, мне уже повезло, и крупно. Я просто не ценю по достоинству своих успехов. Я встретила Талейрана и, можно сказать, мой дом вернулся ко мне даром. Я, разумеется, подарила свои изумруды Валентине в день её рождения, но ведь дом-то, в сущности, купил мне Клавьер! А изумруды – я вольна была отдавать или не отдавать их…

Я была уже почти дома, когда карета, въехав под арку ворот Сен-Мартен, остановилась. Я потянула за шнур, но лошади не тронулись. Тогда я позвала кучера.

— Что такое? Вы заснули там, лентяй?

— Вовсе нет, мадам! Да только тут дороги нет.

— Как нет?

— А так. Чья-то карета загораживает. Пойду посмотрю.

Выглянув в окошко, я увидела, как кучер спрыгнул с козел, как высокие лакеи, видимо, имеющие отношение к помешавшей нам карете, идут ему навстречу, отстраняют, хватают под уздцы наших лошадей. Я возмутилась. Что ещё за нахальство в центре Парижа? В этот миг чьё-то лицо мелькнуло в окошко кареты, совсем радом со мной; я вскрикнула от неожиданности и испуга, узнав лицо Клавьера.

Он дёрнул на себя дверцу и, бесцеремонно схватив меня за запястье, принудил выйти.

— Снова ваши штучки! – проговорила я в бешенстве, тщетно пытаясь освободиться. – Вы просто смешны!

— Смеётся тот, кто смеётся последний!

Он отпустил меня, и я сразу же отошла от него на два шага. Брови его сошлись в переносице.

— Что, вы от Брюманов? Поздравляю. Вероятно, вы славно повеселились, глядя, что моё место пустует.

— Ах, так вы уже знаете, – сказала я почти холодно. – А я-то думала известить вас письмом!

— Да я бы убил вас за это письмо!

Я едва сдержала злой смех: до того мне стало приятно, что наш с Валентиной заговор довёл его до бешенства.

— Не слишком громко произносите такие слова, сударь, – произнесла я с крайним отвращением. – Вы, вероятно, слышали, что мой муж шуан. Не ровен час кто-то из его людей услышит вас, подумает, что вы грозите всерьёз, и перережет вам горло прямо в вашей постели. Вы даже до звонка дотянуться не успеете. В Бретани умеют устраивать подобные дела.

— Вот как, мы теперь не довольствуемся только увещеваниями? Мы теперь можем показать и зубы?

— Я прошла вашу школу, милейший гражданин Клавьер, – сказала я, чувствуя, что на этот раз в дураках остаётся он, а не я.

Он смотрел на меня, скрипя зубами.

— А кто ваш муж? – спросил Клавьер, разыгрывая равнодушие. – Я имею в виду, кто ваш муж в данный момент?

Я вспыхнула.

— Его зовут герцог дю Шатлэ, гражданин Клавьер, и, если вы ещё раз забудете это имя, я скажу мужу, и он научит вас произносить его по буквам. Не думаю, что этот урок вам понравится.

Он прищурился, и я заметила, что его рука в кармане сюртука сжалась в кулак.

— Что вы замышляете, моя прелесть? Зачем вы вернулись в Париж?

— А зачем вам знать это? – в тон ему спросила я.

— Для того, чтобы помешать вам во всём, что бы вы ни делали! Чёрт возьми! Вы ещё горько пожалеете, что напомнили мне о себе! Я грозный враг, вы могли в этом убедиться.

— Ах милейший господин Клавьер! – сказала я почти ласково, не чувствуя никакого страха. – А ведь ещё недавно вы уверяли, что счастливы и всё забыли. По-видимому, после того, как мой дом уплыл из ваших рук, предавать обиды забвению стало уже не так легко?

Он произнёс сквозь зубы ещё несколько угроз, не преминув сообщить, что отныне не спустит с меня глаз, и удалился. Его карета освободила проезд.

«Он не на шутку зол, – констатировала я почти равнодушно. – Но если раньше для его угроз были основания, то что сейчас? Я не занимаюсь коммерцией, у меня нет ни долгов, ни кредитов, ни займов – ничего».

Стоило ли думать над всем этим? Я хотела только одного: помочь Александру.

Г Л А В А

ВТОРАЯ

МАДАМ КЛАВЬЕР

1

Весна в 1798 году была ранняя и очень тёплая. Уже в начале марта набухли почки на деревьях, а в тех местах, где чаще светило солнце, пробивалась молодая трава. Погода была самая приятная, и всех в эти чудные дни, и богатых, и бедных, переполняли надежды.

Ещё с весны прошлого года все почувствовали, что жизнь становится дешевле – впервые, наверное, со времени взятия Бастилии. Цена пшеницы по причине изобилия понизилась, фунт говядины стоил всего 4 су при оптовой покупке и 8 су в розницу. Бедняки были довольны тем, что имеют, наконец, свои «три восьмёрки», которых так добивались ещё в 1789 году, то есть хлеб по 8 су за три фунта, вино по 8 су за пинту и мясо по 8 су за фунт.

Но это облегчение совершено иначе отражалось на Белых Липах. Я просматривала счета и доклады, приходившие из поместья, и видела, что наши доходы уменьшаются. Хлеб продавать было трудно. Мы даже несли убытки. Я написала Полю Алэну, горячо убеждая его с этого года заняться картофелем, но не могла ручаться, что он последует этому совету. Он наверняка не отдаёт все силы хозяйству. А я не могла отлучаться из Парижа. Деверь присылал мне деньги сюда. Кстати, в последний раз поступило на десять тысяч меньше, чем я рассчитывала.

Широкая терраса вся была залита солнечным светом. Я опустила белые лёгкие занавески и вернулась к письменному столику. Со счетами было покончено. Я снова взяла конверт с письмом сына и в десятый раз стала его перечитывать.

Жан писал из Итона, где учился уже шестой месяц. В этом привилегированном учебном заведении у него была комната, которую он делил с Джеймсом Говардом – английским мальчиком из очень знатной семьи. Жан уверял, что уже отлично выучился говорить по-английски и понимает всё, что рассказывают учителя. Порядки в Итоне ещё строже, чем в колледже, воспитанников выводят в город только раз в месяц, остальные дни они проводят на территории заведения и живут по расписанию. Для разбора скверных поступков и шалостей здесь, бывает, устраивают «аристократический суд», «суд чести». Сын, вероятно в шутку, добавлял, что, по крайней мере, в Итоне ему никого ещё не приходилось вызывать на дуэль. После Рождества в школу приезжала принцесса Уэльская, обошлась со всеми очень милостиво, и по её приказу всем воспитанникам раздали по полфунта шоколада. Жану хотелось бы прислать мне подарок на Пасху, но он не знает, возможно ли это («Боже мой! – подумала я в который раз. – Я ведь тоже ничего не смогу ему послать. Счастье, что хоть письма доходят»).

Из письма сына я знала, что дед навещает его довольно редко, потому что служит не в Лондоне, а в Эдинбурге, служит груфу д'Артуа. После Рождества в Итоне был герцог дю Шатлэ и привозил подарки. Летом принц де Ла Тремуйль обещал определить Жана в артиллерию.

О том, собираются ли они летом хотя бы заглянуть в Бретань, Жан не писал. В заключение сын передавал привет Марку и «тысячу поцелуев моей любимой мамочке».

А вот от Александра не было известий. Лишь один раз Поль Алэн как-то неуверенно сообщил о том, что герцог, видимо, в Лондоне. Письмо Жана подтверждало это. Но оно было написано ещё месяц назад.

Я откинулась назад, погружаясь в не слишком весёлые размышления. Стефания, сидевшая за рукоделием, подняла голову.

— Снова! – произнесла она не без упрека. – Хотелось бы хоть поглядеть на человека, из-за которого ты так мучаешься.

— На кого?

— На твоего мужа, милая. Это ведь из-за него лицо у тебя такое скучное.

— Ещё бы. Я почти полгода его не видела.

В прошлом году было то же самое, точь-в-точь. Но тогда Александр вернулся благодаря некоторому смягчению режима. Теперь на это надежды не было. И дело, ради которого я приехала в столицу, продвигалось с черепашьей скоростью.

— Пойду погляжу, что там с ужином, – произнесла Стефания, откладывая вышивание в сторону.

Едва она ушла, со двора донеслись стук копыт и чьи-то весёлые голоса. «Вероятно, Аврора вернулась», – подумала я. Через некоторое время она появилась на террасе – в нежно-зелёной амазонке с широкой разлетающееся юбкой, под которой были надеты узкие облегающие брюки для верховой езды. В руках Аврора ещё держала хлыст, а сама была растрепанная, разрумянившаяся, весёлая.

— Аврора, как можно? – спросила я укоризненно. – Ты уехала едва ли не на рассвете, а теперь уже почти вечер! Где вы были?

— Дени возил меня в Булонский лес. Да я ведь и не обещала вернуться скоро. День такой чудесный…

Взмахнув юбкой, она села рядом со мной и стала снимать перчатки. Улыбка не сходила с её лица – видимо, она была просто не в силах не улыбаться.

— Знаешь мама… – шепнула она чуть смущённо. – Дени такой милый, любезный, внимательный… Словом, хороший.

— Я рада. Правда, мне кажется, вы чересчур часто видитесь. Я даже не понимаю, когда он успевает учиться. Ведь он почти каждый день тебя приглашает.

— Да, – подтвердила она, кивая чуть лукаво. – Я подозреваю, что из-за меня он и не учится вовсе.

— У него будут неприятности.

— Зато сейчас мы так весело проводим время!

— Видимо, – сказала я осторожно, – нет смысла спрашивать, нравится ли он тебе.

— Да, мама! Ещё как! Мне ни с кем никогда не было так приятно!

Я внимательно смотрела на юную Аврору, стараясь вникнуть в её настроение, понять и сделать правильные выводы. Я не могла ошибаться в догадках: она увлечена, и увлечена искренне. Она не строит каких-то расчетов, и ее зарождающиеся чувства к молодому Брюману – это искренние чувства. Вот почему я так боялась за неё. Это и заставило меня произнести следующие слова.

— Послушайте меня, детка, – сказала я. – Послушай, это серьёзно. Я не хочу обидеть тебя никакими подозрениями…

— О чём ты, мама?

— О том, что ты не знаешь жизни. Не знаешь Дени Брюмана. Ему двадцать три года, а в этом возрасте редко какой юноша способен оценить свои поступки. Редко кто из молодых людей думает о женщине больше, чем о себе. Я не говорила бы тебе этого, если бы не любила тебя. Ты очень юна, моя дорогая. Не допусти, чтобы тебя обидели.

— Да ведь я ничего ему и не позволяю!

— Охотно верю. Но никто не знает, как повернётся дело. Ты так молода, что можешь совершать поступки, только потом осознавая их глупость. Я бы не хотела, чтобы этот юноша воспользовался тем, что ты неопытна, и тем… что тебе с ним, так сказать, весело.

— Дени не такой, мама… Он порядочный.

— Ты не можешь знать в точности, каков Дени, – сказала я мягко. – Поверь мне, Аврора. Я знакома со всем этим на собственном опыте.

Она даже с каким-то испугом смотрела на меня. Видимо, я разбудила в ней сильные подозрения насчёт нового друга. И я не жалела об этом.

— Помнишь, что сказано в Евангелии, девочка? Не следует метать бисер перед свиньями. Твоя красота, юность, неопытность – это сокровище, Аврора. Подумай, как им распорядиться таким образом, чтобы это не заставило тебя страдать.

— А разве бывает любовь без страданий? Я вижу, как ты мучаешься из–за господина герцога!

— Если это вправду любовь, то, пожалуй, можно и пострадать, – сказала я улыбаясь. – Но страдать из-за низости какого-нибудь мальчишки – это уж сущий кошмар, и я не хочу для тебя этого.

Я привлекла её к себе и, поцеловав в висок, проговорила:

— Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Ты замечательная, – сказала она искренне. – Ты самая лучшая моя подруга.

Я рассмеялась, и мы вместе отправились на кухню, чтобы проследить за приготовлением сливочных вафель на ужин.

Потом я несколько раз вспоминала об этом разговоре и невольно думала: до чего же мои слова были похожи на слова матери аббатисы, когда она напутствовала четырнадцатилетнюю Сюзанну де Ла Тремуйль перед поездкой в Бель-Этуаль. Поистине, все в жизни возвращается на круги своя.

В отличие от довольно-таки тревожного начала января, февраль и март моей парижской жизни были очень спокойны. Я начинала свой день в десять утра с какого-нибудь визита, а до вечера успевала посетить многие многолюдные места и побыть на виду. Я смирила свою гордыню и теперь была на дружеской ноге со многими известными буржуазками. Я даже принимала их у себя. Дважды мне удалось встретиться с самой Жозефиной Бонапарт. Нынешнее положение жены кумира её почти не изменило: она лишь стала одеваться лучше, а в остальном ничуть не заважничала. Жозефина обожала общество аристократок и часто приглашала их к себе – разумеется, на свою половину, ибо её муж-генерал весёлого времяпровождения не любил, не танцевал и с дамами почти не любезничал.

Ну, а если мне удалось побывать гостьей самой гражданки Бонапарт, то о прочих дамах, таких, как супруги директоров и нуворишей, и говорить не приходилось. Их тешил блеск моего имени, возможность побывать в тени столь громкого титула. Насчёт всего прочего я не обольщалась: они любили меня не больше, чем я их. Просто сейчас вздохи по монархии вошли в моду. Некоторые находили, что слова «гражданин» и «гражданка» звучат несколько грубо и даже, пожалуй, режут слух.

Для меня знакомство с нынешними хозяевами жизни давало возможность быть в курсе всех событий, знать сплетни, слухи, первой узнавать новости и, при случае, заставлять ветер дуть в мои паруса. Я использовала эту возможность, как только могла, хотя очень часто надежд моих она не оправдывала.

Мне мало удалось узнать. Я проведала о двух вещах: первая занимала всех женщин и состояла в том, что Флоре Клавьер пора перестать бывать в обществе. Её беременность уже всем бросалась в глаза, а нынешние буржуазки считали, что это стыдно – показываться чужим мужчинам в таком виде. Флоре, видимо, было на это плевать, поскольку она появлялась в самых разных местах Парижа.

Все прочие сплетни касались дальнейших планов генерала Бонапарта. Шумиха, поднятая вокруг его имени в декабре, слегка поутихла, и он сам, вероятно, чувствовал, что спокойная жизнь в Париже означает для него забвение и потерю популярности. Мир, которого все так ждали, для него был концом военного поприща. Спокойствие он воспринимал как истинное мучение. И когда, наконец, в феврале генерал совершил поездку на Западное побережье, все сразу предположили, что близится война с Англией. Вихрь англофобии пронесся по

буржуазным кругам. «Бонапарт возьмёт реванш за неудачу Гоша»,– утверждали чиновники. Директория была одержима идеей продиктовать мир в Лондоне.

Вести эти приводили меня в уныние. Ведь если Бонапарту, доселе столь удачливому, и вправду удастся завоевать Англию подобно Вельгельму Нормандскому, то моему мужу придётся искать убежище в другом месте, а это ещё больше отдалит его от меня.

Потом пошёл слух о том, что экспедиция против Англии – дело решённое, только на сей раз главный удар будет направлен не на Лондон и не на Ирландию, а на Египет и Сирию, богатейшие английские колонии. Официальным приказом Директории Бонапарт был назначен главнокомандующим армией, которая должна была воплотить эти фантастические прожекты в жизнь.

Я редко виделась с Талейраном. Служба министра и дипломатическое ведомство отнимали у него очень много времени, кроме того, бывший прелат принимал участие решительно во всех интригах, какие только можно вообразить. Он поистине был вездесущ, за всем следил и всё успевал. Таких посетителей, как я, у него было много. Но мы всё же встречались иногда – чаще в Люксембургском саду, где он прогуливался после обеда; и у меня складывалось впечатление, что он встречается со мной не без личного удовольствия.

– Неужели все эти слухи о Египте – правда? – спросила я как–то. – Неужели Директория действительно одобрила эту безумную авантюру?

Мы медленно шли по посыпанной песком дорожке, Талейран прихрамывал и опирался на трость. Погода была чудесная: солнце, весна, первые золотистые крокусы на обочине…

— Вы выпытываете у меня дипломатические секреты, сударыня, – ответил Талейран задумчиво, и мне показалось, что его рот чуть дрогнул в лёгкой улыбке.

— Я слышала что вы горячо поддерживаете Бонапарта. Неужели ваши убеждения не противоречат его намерениям?

— Вряд ли можно говорить о каких-то моих убеждениях. Вы же знаете, любезная госпожа дю Шатлэ, что я человек без убеждений. Я карьерист.

— Я имела ввиду, что убеждение ваше – это скептицизм. Кроме того, рискну предположить, что вы искренне любите Францию и желаете ей добра.

— Добра да еще порядка, – подхватил Талейран. – И выгоды. Знаете, милочка, ведь если эта безумная, как вы говорите, авантюра удастся, мы будем иметь немало выгоды. Извольте взвесить: покорение Красного моря, подрыв всемирного господства Англии, подрыв Оттоманской Порты, выход в Индию, причём сухопутный выход…

— Не понимаю, – сказала я честно. – Ведь это сказка. Какой выход в Индию? Мы живём не во времена Александра Македонского. Как может двадцатипятимиллионая Франция завоевать шестисотмиллионный Восток?

— Верно, – подтвердил Талейран. – Это трудная задача. Но кто знает? Военный гений Бонапарта легендарен. Кроме того, мне хочется, чтобы генерал знал, что я его поддерживаю. А ему хочется воевать, а не сидеть в Париже. Экспедиция против Египта – это совпадение наших интересов.

— Да почему же ему хочется воевать?

— Потому что для него бездеятельность – это лишь закрепление нынешнего положения, а нынешнего положения недостаточно, чтобы достичь большего. Египетская авантюра, чем бы она ни закончилась и как бы бесполезна для Франции ни была, несомненно, будет выгодна для генерала. Она даст ему скоротать время и позволит создать видимость лихорадочной деятельности на благо отечества.

Я встревожилась.

— А зачем ему нужно время? Чего он хочет? Почему вы так желаете быть его другом?

— «Друг» – фи, что за слово! Я лишь союзник… Не знаю, сударыня, чего хочет Бонапарт. Хочет он многого. А в остальном – поживём, увидим…

— Значит, будет война?

— Бонапарт хочет воевать, я хочу войны, потому что этого хочет он, Директория хочет услать генерала подальше – все интересы сходятся на этом. Значит, моя милая, будет война.

Он мягко сжал мою руку.

— Ну а что касается вашего дела… Думаю, через три недели всё утроится. Деньги у вас собраны?

— Да, сударь.

— Значит, можно считать, что вы готовы к разговору с гражданином директором.

2

В день вербного воскресенья, в «цветущую Пасху», в городе царило оживление. Несмотря на то, что многие церкви после переворота 18 фрюктидора были отобраны у верующих и вновь превращены в храмы Земледелия, Согласия, Признательности, парижане толпами заполнили все молельные места, какие только оставались. Как и прежде, при Старом режиме, Париж пестрел веточками розмарина, лавра, пальмовыми ветвями. Не было разве что церковных процессий. Да и город всё ещё выглядел куда беднее, чем лет пятнадцать назад.

Мы с Авророй в церковь не ездили, потому что служба там велась присягнувшими священниками, но в остальном праздновали так же, как и все прочие. В Булонском лесу мы встретили Валентину Брюман и, поговорив немного, все вместе поехали на бывшую улицу Шантерен, переименованную нынче в улицу Победы, – там жила гражданка Бонапарт.

У неё были гости. Мы, не заходя в салон, ограничились кратким разговором в небольшой гостиной. Я с сожалением сообщила, что не смогу быть у Жозефины в среду вечером, – как раз на это время у меня назначена встреча с Баррасом. Гражданка Бонапарт понимающе кивнула. Она, кстати, была единственной, кто мог бы сказать, что догадывается о целях моего пребывания в Париже. Способности к предательству в ней не было, и я, зная, что сердце у неё хотя и ветреное, но доброе, слегка приоткрыла перед ней свою тайну. В конце концов, она же пару лет назад была любовницей Барраса и, возможно, могла бы помочь. Ну, например, намекнув ему обо мне.

— Надеюсь, вам повезёт, – сказала она.

Я отдала ей выкройки, полученные мною от синьоры Раньери из Флоренции. Жозефина засияла.

— Ах, как хорошо! – воскликнула она. – Как хорошо, что вы не забыли! Я в долгу перед вами.

— Бог с вами! Какой долг? Мы вместе сидели в тюрьме, вместе ждали казни, мы вместе спаслись, наши дети дружили между собой… Мы же почти родственниками стали тогда.

— Да, – протянула Жозефина задумчиво. – Тогда я была уверена, что вы станете супругой господина Клавьера.

Я сочла, что говорить об этом неуместно, и уклончиво ответила:

— Ну, вы же знаете, что всё, что ни делается – к лучшему.

Когда мы, уже распрощавшись, спустились в вестибюль, я обнаружила, что забыла наверху свой веер.

– Я схожу за ним, – сказала Аврора.

– Нет-нет, дорогая. Ты не найдёшь его. Я сама не знаю, где его оставила.

— Может, позвать лакея?

— Слишком долго… Я сама схожу.

Слегка подобрав подол, я снова стала подниматься по ступенькам, но не прошла и половины лестницы, когда увидела на верхней , начищенной до блеска площадке женщину.

Она была в очень просторном платье, скрывающем округлившуюся фигуру. Я сразу узнала Флору де Кризанж, ныне Флору Клавьер, и, хотя мы встречались с ней лицом к лицу в этом году впервые и эта встреча была неожиданна для меня, я находила, что не должна бледнеть, волноваться или, чего доброго, изменять свои намерения и не идти за веером. Ни один мускул не дрогнул у меня на лице. Я продолжала подниматься. Флора, напротив, словно застыла на верхней площадке, глядя на меня.

Наступил момент, когда мы поравнялись, и я посмотрела ей в глаза. Она дурно выглядела. Лицо, отекшее, даже слегка распухшее, свидетельствовало, что она плохо переносит свое состояние. Она вообще сильно располнела. И постарела. Да что там говорить – она выглядела просто немолодой уже женщиной! Красота, которая когда-то так подавляла меня, пропала. «Нет, – подумала я, усмехаясь в душе, – когда мы встречались на Корсике, она выглядела лучше. Вряд ли Клавьеру нравится сейчас её вид… Она куда старше его, а по виду так просто в матери годится».

Я взглянула на неё как можно более пренебрежительно, с мстительным высокомерием женщины, которая сознаёт, что намного красивее, и была удовлетворена, когда увидела, что лицо мадам Флоры почти позеленело, а русалочьи голубые глаза сузились. Я была готова пройти мимо, но она, вдруг резко повернувшись, так схватила меня за руку и с такой неожиданной силой рванула к себе, принуждая вернуться, что я вскрикнула от возмущения.

— Что вам угодно?

— Видимо, вас недостаточно проучили, белокурая дама?

Она спросила с хорошо знакомой мне интонацией: ласково, почти любезно, не повышая голоса, словом, хорошо маскируя свои истинные чувства. Пожалуй, со стороны мы могли показаться двумя мирно беседующими подругами.

Я резким движением высвободила свою руку из её цепких пальцев, но ничего не ответила. Честно говоря, на какой-то миг мне стало страшно. Уж слишком ледяным был её взгляд. Я помнила этот взгляд – взгляд кобры. Она так смотрела на меня, когда стреляла. И я вдруг ужасно испугалась того, что, быть может, эта Флора по-прежнему одержима демоном злобы и ревности и, чего доброго, способна подкараулить меня где-нибудь с пистолетом в руке.

– Вы вернулись в Париж. Вы строите козни против Рене. А ведь мы оба вас учили. Так что же вами движет? Надежды? Позвольте узнать какие? А, черноглазая красавица?

Весь мой страх вдруг исчез от звуков ее голоса. Я разозлилась так, что у меня потемнело в глазах; да что там – от злости меня даже затошнило. Подавшись вперёд, я произнесла:

— Я надеюсь на то, что вас перекосит от ненависти, а ваш муж издохнет и попадёт в ад. Я ежедневно молюсь об этом…

Сказать всё, что хотела, я не успела. Флора вдруг шагнула ко мне с лицом, искажённым яростью, и замахнулась, будто хотела закатить пощёчину. Инстинктивно желая избежать этого унижения, я резко выставила вперёд руку.

И тогда произошло непредвиденное. Её рука с силой наткнулась на мою, и от этого толчка Флора потеряла равновесие. Кроме всего прочего, она, кажется, поскользнулась на начищенной до блеска ступеньке. Я не смогла её удержать. Я лишь успела увидеть её расширившиеся от ужаса глаза. Она полетела по лестнице вниз головой, а я стояла, словно окаменев, не в силах пошевелиться.

Я очнулась, услышав, как трезвонят все звонки в доме. Над Флорой, лежавшей лицом вниз, склонились лакеи и мои спутницы, ожидавшие меня в вестибюле. На лестницу выбежала Жозефина и её многочисленные гости. Поражённые, все молча смотрели вниз, но ничего не делали.

– Что случилось? – наконец спросила гражданка Бонапарт.

– Мадам Клавьер упала с лестницы, – сказала как можно спокойнее. – Несчастный случай. Вероятно, надо вызвать врача.

Ничего больше не прибавляя, я стала спускаться. Жозефина дрожащим голосом велела позвать врача. Как оказалось, он нашёлся среди её гостей – некий господин Биша, совсем ещё юноша.

Он склонился над Флорой и несколько минут спустя констатировал:

— Она жива. Безусловно, она потеряла ребёнка. У неё сломано несколько рёбер. Возможно, и шея тоже.

— Но ведь тогда она умрёт! – воскликнула Жозефина со слезами. —Ах, какой ужас! Она была моей подругой…

— Её нужно немедленно унести отсюда…

— Но как? Можно ли ее шевелить?

Я сказала – громко, ясно, сама удивляясь, до чего холодно, бесчувственно и спокойно звучит мой голос:

– Сообщите её мужу. Несомненно, он пришлёт за ней врачей и приедет сам. Таким образом, все проблемы будут решены.

— Как это случилось? – наперебой спрашивали меня. Среди вопрошающих я заметила даже журналиста «Монитёра».

— Вероятно, мадам Клавьер стало дурно. Это бывает с беременными. Мне трудно прибавить что-либо ещё, граждане.

Сделав знак Авроре, я стала пробиваться к выходу. К счастью, наша карета был уже у крыльца.

– Ах, это ужасно! – произнесла Валентина. – Почему эта женщина хотела ударить вас?

– А вы всё видели?

— Да. Мы наблюдали за вами. Она положительно хотела дать вам пощёчину…

— Наверное, она поступила так из ревности, Валентина. Никак иначе её поступок объяснить нельзя.

— Но вы, по крайней мере, не были знакомы раньше?

— Никогда, – отчеканила я. – Ума не приложу, чем я могла вызвать такую ненависть. Вы же знаете, я даже не вижусь с Клавьером.

Больше я ничего не объясняла. До самого дома я молчала, сжав губы и обдумывая случившееся. Как ни странно, никаких особых чувств это происшествие во мне не вызвало. Я была до ужаса холодна и спокойна, констатируя мысленно, что это несчастье лишило Клавьера первого законного наследника – после такого падения выкидыш и кровотечение неминуемы. Пожалуй, даже вид страданий голодного пса порой вызывал у меня больше чувств.

Едва оказавшись дома, я позвала лакея:

— Жан Мари, ступайте к дому господина Клавьера на площади Карусель. Как только что-нибудь станет достоверно известно, вы сообщите мне.

Через два часа Жан Мари вернулся и сообщил, что мадам Клавьер умерла.

3

Парижские газеты были полны упоминаний об этом событии. «Монитер» писал:

«Смерть гражданки Клавьер 25 марта пополудни произошла из-за значительной кровопотери и повреждений – следствия несчастного случая. Трудно описать отчаяние, в каком прибывает супруг её, Рене Клавьер, видный гражданин, банкир, известный благотворитель. Многие граждане, пришедшие отдать последний долг этой во всех отношениях достойной женщине, видели слёзы на глазах её мужа, человека обычно весьма сдержанного. Дабы успокоить читателей, заметим, что гражданин Клавьер собирается в скором времени вернуться к трудам на благо Республики, но между тем выражает надежду, что полиция проведёт тщательное расследование всех обстоятельств этого прискорбного случая”.

Я отложила газету, слегка помассировала виски пальцами. Со вчерашнего утра у меня была сильнейшая мигрень, заставившая меня лечь в постель. Я слишком много переживала все эти дни. Сейчас было раннее-раннее утро. Головная боль, несмотря на принятые порошки, не проходила, и я с трудом представляла себя, как отправлюсь вечером в Люксембургский дворец на встречу с Баррасом.

Газетное сообщение вызвало у меня скептицизм. Клавьера пытались изобразить эдаким сентиментальным филантропом, добрым и кротким другом человечества. Я не знала, конечно, как он относился к Флоре и как переживал её смерть, но говорить о том, что он «вскоре вернётся к трудам на благо отечества» – это просто смешно! Всего вернее, разумеется, было упоминание о том, что он желает вмешать в дело полицию.

На душе у меня было тревожно. Я не сомневалась, что в воображении Клавьера все факты выстроятся таким образом, что он заподозрит меня в заранее продуманных планах мести. Первый факт – это то, что я ни с того ни с сего явилась в Париж (по крайней мере, он причины моего появления не знает). Второй – то, что я обманом вернула себе дом. Третий – несчастный случай с Флорой, как раз после того, как мы встретились. Это третье происшествие, несомненно, он сочтёт ударом под дых. События теперь действительно выстроились в цепочку, свидетельствующую о моём коварном, ловком, невероятном умысле.

На самом деле, разумеется, их связывала только случайность. Ни о доме, ни о Флоре я и не помышляла, а уж в Париж приехала вовсе не для того, чтобы мстить банкиру. Но Клавьер знает только видимость происшедшего. Он, вероятно, сейчас рвёт и мечет. Потому-то я и тревожилась. Хорошо, конечно, если всё это заставит его немного меня побаиваться, но плохо то, что могут возникнуть осложнения – совершенно ненужные перед встречей с директором. Клавьер слыл закадычным другом Барраса.

«Я должна быть осторожна, – подумала я с опаской. – Ни одного лишнего слова не следует говорить… И мне нужна теперь охрана. Я буду ездить только с тремя-четырьмя лакеями».

Мои мысли вернулись к Флоре. Поначалу свою холодность по отношению к ее гибели я объясняла неожиданностью всего случившегося. Но прошло некоторое время, а никакие иные чувства не возникали, хотя я сознавала, что некоторым образом причастна к её смерти. Она натолкнулась на мою руку и после этого упала… Впрочем, моя рука, вероятно, в этом случае была рукой судьбы. Флора была злая, чудовищно коварная и вероломная женщина. Вот только её ребёнок…

Впрочем, какие глупости приходят мне в голову! Когда эта старая мегера стреляла в меня – да и не только стреляла, но явно хотела изуродовать, – я тоже была беременна. И я тоже потеряла ребёнка. У меня до сих пор остался шрам под правой грудью. Не каждый знает, как это больно и тяжело – быть раненой, страдать, мучительно выздоравливать…

«Господи, – взмолилась я, – сделай так, чтобы Александр мог вернуться, чтобы он взял на себя все заботы, чтобы я не была такой одинокой!».

Голова у меня болела всё сильнее, кровь тугими ударами стучала в висках. Превозмогая боль, я поднялась, наощупь нашла домашние туфельки, кое-как добралась до умывального столика и, дрожащими руками плеснув воды в стакан, всыпала туда порошок. Это должно принести облегчение. От недомогания и тяжёлых мыслей мне вдруг ужасно захотелось выпить. Изрядно выпить, так, чтобы здорово захмелеть. В последнее время я часто обращалась к подобному средству, и оно помогало мне забыться, легче смотреть на вещи. Я стала искать коньяк, но никак не могла найти. «Чёрт, видимо, Стефания успела унести, – мелькнула у меня мысль. – Или горничная. Они обе говорили, что пить так часто не следует».

Я туго-натуго замотала голову чёрным шелковым шарфом, взяла свечу и стала спускаться вниз.

Внизу в гостиной я заперлась на ключ и поставила свечу на пол. Здесь мне удалось найти спиртное – я не разобрала, что именно, вроде бы коньяк. Я налила себе рюмку, резко,

неженским движением опрокинула в рот – одну, потом другую. Жидкость оказалась жгучей, как пламя. «Хотя бы не пристраститься, – подумала я. – Я, конечно же, перестану пить. Но не сейчас. Сейчас мне это необходимо».

Я выпила ещё и свернулась калачиком на диване, натянув на себя плед. Голова болела меньше, сон одолевал меня, а алкоголь словно жаром разливался по телу. Мне стало удивительно тепло, и все думы отступили. Я задремала и, как обычно в такие минуты, ко мне пришли приятные грёзы – воспоминания о Корфу, о летних вечерах под каштаном, об Александре.

Сильный стук в дверь разбудил меня. Сонная, я рывком села на диване. Свеча догорела уже до половины.

— Ритта! – Это был голос Стефании, громкий и резкий. – Ты здесь? Отвечай!

— Который час уже? – спросила я.

— Десять утра. К тебе пришли.

— Я никого не принимаю, так и передай. Я нездорова.

— Ритта, это какой-то чиновник из полиции.

Я тяжело вздохнула. Никого видеть мне не хотелось, но слово «полиция» так встряхнуло меня, что я полностью очнулась ото сна.

— Принесите мне воды и одеколона, – попросила я.

— Одеколона? Мужского одеколона?

— Да.

Пока она ходила, я отперла дверь, спрятала бутылку и потушила свечу. После сна я, вероятно, выглядела растрепанной, но приводить себя в порядок не хотела. Сойдёт и так. Вот только опьянение ещё осталось, но я живо с этим справилась.

Я умылась ледяной водой и энергично растёрла лицо полотенцем. Это полностью отрезвило меня. Тогда я прополоскала рот одеколоном, чтобы окончательно прогнать запах алкоголя.

— Ну вот, – сказала я. – Теперь можно звать сюда полицию.

Полицейский оказался молодым человеком лет тридцати, довольно аккуратным и обходительным.

— Я следователь, – представился он, – моя фамилия – Лерабль.

— Очень приятно, гражданин Лерабль. Могу сказать, что я ожидала вашего приезда.

Это была правда. С тех пор, как я прочла о желании Клавьера привлечь к делу полицию, у меня была уверенность, что подобной встречи не избежать. Правда, я не ожидала гражданина Лерабля так скоро. Ну, а если уж он стоял передо мной, я не хотела уклоняться от беседы.

— Садитесь , сударь, прошу вас. – сказала я как можно любезнее. – Я готова ответить на все ваши вопросы. Жаль только, что я дурно себя чувствую и, по-видимому, не смогу уделить вам много времени.

Он сел, предварительно откинув полы сюртука, деловито достал толстую записную книжку и попросил подать ему письменные принадлежности. Я позвонила горничной. Когда чернильный прибор и все прочие атрибуты были принесены, Лерабль вскинул голову и, ловко очинив перо, произнёс:

— Я приехал по заявлению гражданина Клавьера.

— Да. Я поняла, сударь. Уж насчёт этого у меня не было никаких сомнений, – сказала я любезно.

Слегка изменившись в лице, Лерабль сказал:

— Мне очень жаль, гражданка, но я вынужден просить вас не называть меня «сударь». Я на службе.

– Вы государственный человек, – уточнила я, вспоминая, как очень давно подобные слова мне говорил Франсуа де Колонн.

— Да. Именно так.

– Я буду называть вас так, как вам угодно, для меня это никакого значения не имеет.

Он обмакнул перо в чернильницу.

— Итак, – торжественно начал он. – Вы – гражданка Сюзанна дю Шатлэ?

— Да.

— Вам двадцать семь лет, вы француженка и живёте на площади Неделимости в доме номер двадцать пять?

— Да.

— Ваш муж мятежник, объявленный вне закона?

— Да.

Эти мои три «да» прозвучали одинаково ровно и сухо, но начало беседы мне не понравилось. Что в нем было обвинительное.

— Расскажите, что произошло третьего дня на улице Победы.

Я пожала плечами. Версия моя была уже давно готова, и изложить её для меня не представляло труда.

— Гражданин Лерабль, я посетила Жосефину Бонапарт с коротким визитом. У неё были гости, но я не задержалась надолго. Когда я спустилась вниз, то обнаружила, что у меня пропал мой веер. Предполагая, что забыла его наверху, я решила вернуться и, когда поднималась, увидела беременную женщину, идущую мне навстречу. Она была, вероятно, почти на сносях, и на её месте, гражданин Лерабль, я бы оставалась дома. Или, по крайней мере, не ходила бы без служанки.

— Итак, гражданка Клавьер была одна. Вы с ней встретились. И что вы ей сказали?

— Не понимаю, гражданин, почему вы думаете, будто я что-то говорила. Не в моих привычках говорить с незнакомками.

– Вы утверждаете, что видели гражданку Клавьер впервые?

— Возможно, не впервые. Весьма вероятно, что мы виделись на каких-то приёмах… или в театре. Но мы никогда не разговаривали, и между нами не было никаких отношений.

— Вы уверены?

— Абсолютно уверена, – сказала я чуть раздражённо, настороженная тем, что этот полицейский пытается выяснить подоплёку моих отношений с Флорой.

Но ничего. Пусть он ещё попробует доказать, что я лгу. Никаких доказательств просто не существует. Однако сам интерес Лерабля меня беспокоил. Он свидетельствовал, что его интересует не моё видение случившегося, а нечто иное.

— Когда мы поравнялись, ей, вероятно, стало дурно. Она упала. Всё прочее вы и сами знаете.

— Она падала на ваших глазах и вы не попытались помочь ей?

— Мне льстит ваше мнение обо мне, гражданин полицейский, но на самом деле я не обладаю той силой, которую вы во мне предполагаете. Удержать мадам Клавьер я не могла. Кроме того, не вменяйте мне в обязанности того, чего я делать вовсе не обязана.

Эти слова произвели ошеломляющее впечатление на Лерабля, так, будто на него вылили ледяной душ. Следователь сразу вытянулся, сел прямо, будто проглотил аршин, и я заметила, как нервно заходил его кадык под плотным воротником.

— М-да… – протянул он. – Может ли кто-нибудь засвидетельствовать, что всё было так, как вы рассказываете?

Я ответила, чувствуя, как враждебные чувства к следователю во мне всё нарастают:

— Вы можете спросить Аврору, мою воспитанницу… Она была со мной в то время.

Следователь сделал гримасу – довольно непонятную в целом, но мне почему-то показалось, что он обрадовался своей удаче. Я нахмурилась.

— Ваша воспитанница, – заявил он с торжеством, – или ваша приёмная дочь, уж не знаю, как она точно, – но, так или иначе, она не может быть свидетельницей.

– Почему?

— Потому что состоит в слишком близких с вами отношениях и вполне может сказать неправду.

Я сжала зубы. Если раньше у меня возникала лишь смутная догадка о том, что, возможно, Лерабль просто куплен Клавьером, взят, так сказать, на службу, то теперь все сомнения исчезли и догадка переросла в убеждение.

– Неправду? – переспросила я, сердито сверкнув глазами. – Что это значит?

— Неправда – это то, что противоположно истине, – пояснил Лерабль, слегка ухмыляясь.

Я вспыхнула.

— Вы… вы имеете наглость сидеть передо мной и говорить мне в глаза, что я лгу, а Аврора лишь подтвердит мою ложь?

– У меня есть основания для этого, гражданка!

Он повысил голос и чуть привстал с места. Эта его реакция и заставила меня прикусить язык. Сперва я намеревалась возмутиться и немедленно выставить наглого следователя за дверь, но теперь мне пришло в голову, что дело, возможно, серьёзнее, чем я думаю. «Надо разобраться,– решила я. – Надо, по крайней мере, выслушать этого болвана».

Вот только мигрень снова усилилась, и в ушах слегка шумело. Для меня лучшим выходом сейчас было бы лечь в постель, положить в ноги нагретый кирпич и укрыться одеялом, а не отвечать на вопросы.

— Какие основания?

— Гражданин Клавьер заявил, что вы имели причины ненавидеть его жену и, значит, желали ей смерти.

— Гражданин Клавьер заявил! – повторила я прерывисто. – И это всё?

— Он проходит свидетелем по этому делу. Он свидетельствует, что вы ненавидели Флору Клавьер.

— Как же он это объясняет? Почему я должна была её ненавидеть? По какой причине? Мы даже знакомы не были!

— А гражданин Клавьер говорит, что вы ревновали его к жене. И насчёт вашего знакомства с Флорой… то это вы лжете, а не он. Вы были знакомы с погибшей. Вы мстили ей.

– За что?! – вскрикнула я.

— За то, что Рене Клавьер предпочёл её вам. У вас была связь с ним и, когда он отверг вас…

Я взглянула на Лерабля так, что он умолк. На миг мне стало дурно. Клавьер осмелился рассказать, что у нас была связь… Да в языке просто нет слов, которым следует назвать его после столь низкого поступка.

— Вы оскорбляете меня, – сказала я угрожающе. – Я замужем, вы забыли об этом? Какое мне дело до четы Клавьеров?

— Гражданин Клавьер заявляет…

— Мне нет дела до того, что заявляет этот подлец. Да и вы помолчите хотя бы минуту, я тоже имею право высказаться… – С нескрываемым презрением я посмотрела в лицо Лераблю и резко произнесла: – Столь мерзкий человек, как Клавьер, может заявлять всё, что только взбредёт ему в голову, и, конечно же, всегда найдутся люди, подобные вам, чтобы записывать все мерзости гражданина Клавьера. Но это ещё ни чего не значит. Никакой связи с Клавьером я не имела и сочла бы унижением даже помыслить о чём-либо подобном. С Флорой я знакома не была и даже не думала никогда о ней. Женщина, связавшая свою жизнь с таким подлым человеком, не заслуживала моего внимания.

Я произнесла всё это очень громко и ясно, чеканя каждое слово, поклявшись в душе, что больше никогда не буду говорить на эту тему. На какое-то время между нами повисло молчание; я даже почувствовала, как бьется у меня сердце. Потом Лерабль, подняв голову и глядя на меня не менее враждебно, чем я на него, сказал:

– Назовите какого-нибудь человека, который мог бы подтвердить ваши слова.

– Какие именно слова?

– О том, что произошло на лестнице.

– Гм, я говорила уже об Авроре. Если она вам не угодна, могу отослать вас к гражданке Брюман, моей подруге.

– Она утверждает, что ничего не видела.

Я усмехнулась.

— Вы ошибаетесь… Я говорила с ней.

— Это вы ошибаетесь, – с кривой усмешкой произнёс Лерабль. – Я был у неё вчера вечером, и она давала показания. Она ничего не видела… и не может сказать ни слова в вашу защиту.

Тяжелый комок подступил мне к горлу. Я подумала, что, возможно, из-за моей мигрени воспринимаю всё не так, как следует, и слышу всякие нелепые вещи. Дрожащей рукой я провела по лбу, пытаясь прийти в себя. Нет, вероятно, я все правильно поняла, и Лерабль сказал то, что сказал. Он был у Валентины. Произошло недоразумение. Непонятное, досадное недоразумение.

– Она не могла так сказать, – произнесла я почти уверенно. – Здесь, конечно же, какая-то ошибка.

— Здесь нет ошибки, уверяю вас, – убийственным тоном сказал Лерабль.

Он неторопливо вынул из кармана сюртука лист, сложенный вчетверо, и разложил его передо мной.

— Читайте, гражданка.

Я прочла – всего несколько слов, ибо читать остальное и нужды не было:

«Я, Валентина Брюман, жена Жака Брюмана, свидетельствую, что не видела ничего, касающегося обстоятельств падения гражданки Клавьер с лестницы, и застала её уже лежащей у ступенек. Каждое моё слово – правда, и я готова подтвердить это под присягой, в чём и расписываюсь».

Я не знала, чьей рукой это написано, но понимала, что совершать подлог для Лерабля – это ненужная глупость. Подлог рано и поздно выяснился бы, и Валентина неизбежно взяла бы свои слова назад. Стало быть, пользы Клавьеру не было бы. Польза могла быть лишь в том случае, если Валентина действительно сказала то, что было здесь написано.

– Она не могла, – пробормотала я растерянно.

— Но она говорит именно это и ничто другое.

— Но как же… Посудите сами, как она могла не видеть? Она же стояла внизу, в вестибюле!

— Она стояла спиной к лестнице, ибо наблюдала за тем, как кучер подаёт к крыльцу карету. Это истинные слова гражданки Брюман. А вот вы… Что скажете на это вы?

Я в бешенстве произнесла:

— Не знаю, чем вы шантажировали Валентину и чем на неё повлияли, но то, что она ничего не видела, означает лишь полную её неосведомлённость и ничто другое. И, конечно, не дает вам права смотреть на меня так обвиняюще.

О, я уже всё поняла… Пока я три дня страдала от головной боли и предавалась раздумьям, Клавьер вовсе не проливал слёзы и не грустил. Он развил лихорадочную деятельность: купил Лерабля и, без сомнения, ещё дюжину полицейских, обвинил меня в своих пока-

заниях, нашёл какой-то дьявольский способ лишить меня свидетельницы. Он действовал. И вот результат – я по уши в сетях какой-то интриги. Впрочем, по виду Лерабля можно понять, что игра не закончена…

– Валентина ничего не знает, – повторила я решительно. – Стало быть, вы, как юрист, понимаете, что свидетелей происшествия нет. Вы не можете полностью верить ни Клавьеру, ни мне. Значит, дело зашло в тупик и…

– Не совсем.

Я молчала, предчувствуя какую-то каверзу.

— Есть ещё один свидетель, гражданка. Это лакей, который был в то время в вестибюле.

У меня потемнело в глазах. Я сразу догадалась, что всё это означает. Клавьер купил лакея. Лакей что угодно скажет за деньги. Я должна была это предвидеть.

— Он поливал цветы в это время и видел…

— Что?

— … видел, как вы умышленно, изо всех сил толкнули Флору Клавьер и сбросили её с лестницы.

Я с криком возмущения вскочила на ноги.

— И вы… вы верите какому-то лакею?

Это был глупый, нелепый вопрос, я это и сама сразу осознала. Это был возглас отчаяния. Я уже отлично понимала, что Лерабль – активный участник интриги, организованной Клавьером, и что спрашивать его, верит он или не верит, – совершенно не имеет смысла…

Ответ был пустой и бессмысленный, как я и рассчитывала:

— Гражданка, у нас в Республике все люди равны – и лакеи, и герцогини. Лакеи, может быть, даже больше достойны доверия.

Рука у меня сжалась в кулак. Ах, какое глупое положение – быть оболганной, обвинённой в том, чего не было и о чём даже не помышлялось!

Лерабль – уже спокойно, без злости и враждебности – проговорил:

— Вот теперь, пожалуй, дело становится ясным, гражданка. Налицо преступление – жестокое и продуманное.

— Чего вы хотите? – не выдержала я. – Уж не думаете ли вы и меня убедить во всех ваших измышлениях?

— То, что вы называете измышлениями, на языке правосудия называется правдой, – напыщенно ответил следователь.

– О, мне знакомо ваше правосудие! – вскричала я в ярости. – Ваше синее правосудие достойно уважения не больше, чем вы и ваша продажная шкура!

Он побагровел.

— Вы – убийца, гражданка. Да будет вам известно, я имею в кармане ордер на ваш арест… и я не потерплю, чтобы преступницы, подобные вам, бросали мне в лицо оскорбления!

Мне всегда была присуща какая-то дикая, звериная смелость. Я предчувствовала, что он заговорит об аресте. Так оно и случилось. И я ещё раньше успела подумать о том, что ехать в тюрьму – это всё равно, что подписать себе приговор. В тюрьме я окажусь в руках чиновников, купленных Клавьером. Я не смогу защититься. Для защиты мне нужна свобода.

— Вы пришли арестовать меня? – спросила я сухо.

— Да. И, чтобы вы знали, меня сопровождают жандармы.

«Хорошо, что он сказал мне об этом», – подумала я.

— Могу ли я выпить порошок? – спросила я вслух.

— Вы больны?

— Да. Больна. Я уже говорила вам.

Голос у меня был колючий, сухой, прерывистый.

— Можете пить, – бросил Лерабль небрежно, снова усаживаясь и снова предварительно откинув полы сюртука.

Твёрдым шагом я отошла от следователя и распахнула дверцу резного шкафчика. Пальцы мои мгновенно оплели горлышко тяжёлой бутылки, из которой я совсем недавно пила коньяк. Помедлив немного, я через плечо быстро поглядела на Лерабля. Он сидел на подвижно и, казалось, что-то писал. Я усмехнулась. Канцелярист, идиот, продажный полицейский… Прежде чем браться за такие дела, научился бы получше разбираться в людях. Он полагал, очевидно, что имеет дело с пугливой дамой, страдающей мигренью, и исходил из соображения, что все аристократки – изнеженные, слабые, кроткие создания. Но он не знал, что я прошла через революцию. Я умела защищаться и не от таких болванов, как он.

Ступая неслышно, как кошка, я стремительно приблизилась к нему, сжимая в руке бутылку, и нанесла сильнейший удар прямо по его склонённой макушке.

Бутылка разбилась, осколки посыпались на стол. На миг я замерла: до того громким показался мне звон. Вдруг прибегут жандармы?

Тишина успокоила меня. Жандармы ожидали, по-видимому, во дворе и прибегать не спешили. Лерабль лежал, раскинув руки и уткнувшись лицом в свои бумаги. Я рассчитывала свой удар так, чтобы на достаточно долгое время отправить Лерабля в обморок. Меня слегка испугала кровь – её было больше, чем я предполагала, она все текла и заливала бумаги. Я присела, осторожно ощупала кисть следователя: пульс, к счастью, чувствовался. Тогда, облегчённо вздохнув, я поднатужилась и сильно толкнула его. Он упал на пол лицом вниз.

Ножницами я быстро разрезала свой муслиновый пеньюар: полоски были прозрачные, но очень прочные. С ловкостью, которой я раньше в себе не подозревала, я связала Лераблю руки и ноги. А вдруг он очнётся раньше, чем я рассчитываю, выйдет и позовёт своих подручных? Ползая вокруг распростертого тела, я заметила, что Лерабль, когда я сталкивала его на пол, видимо, разбил себе нос. Лицо у него было в крови. Он явно мог задохнуться. Тогда, желая избежать подобного исхода, я собрала все силы, схватила его за воротник и стала тянуть к стулу. После нескольких минут больших усилий мне удалось усадить своего неприятеля, прислонив его спиной к твёрдой опоре и наклонив вперёд его голову. Немного подумав, я завязала ему и рот. Потом с трудом поднялась с пола. Ноги у меня дрожали, дыхание было прерывистым.

— У меня есть полчаса, – пробормотала я. – Или, может быть, минут сорок.

Ни за что я не согласилась бы вновь оказаться арестованной и посаженной в парижскую тюрьму. Злая усмешка появлялась на моих губах при одной лишь мысли об этом. Время тюрем для меня закончилось. Я должна была уладить возникшую ситуацию здесь, в Париже, либо бежать в Бретань. Это в том случае, если уладить ничего не удастся.

Самые разные чувства переполняли меня. Едва мысли мои касались Клавьера, у меня перехватывало дыхание от ярости. Как может жить на свете такой человек?! У него много врагов, так почему же ни один из них не набрался смелости и не прикончил его?

Потом я вспомнила об Александре, и невероятное отчаяние охватило меня. Слёзы были готовы брызнуть из глаз. Пожалуй, я ничем не смогла ему помочь. Мне не удалось… Я сама оказалась почти арестованной… Потом меня захлестнул страх – боязнь того, что я, быть может, не успею скрыться. Почему я стою и ничего не делаю? Мне надо бежать, искать выход, действовать!

Я бросилась вон из комнаты, не помня себя от испуга. К счастью, инстинкт самосохранения не позволил мне выбежать в вестибюль или воспользоваться парадной лестницей, где меня непременно увидели бы жандармы. Я была уже почти у себя в комнате, когда меня окликнула Стефания.

— Что с тобой? В каком ты виде?

Я была лишь в нижней рубашке, с оторванной полой пеньюара.

— Что сказал тебе полицейский?

Схватив её за руку, я быстрым прерывистым шепотом произнесла:

— Послушай меня, Стефания. Там, в гостиной, лежит человек. Через час вы войдёте туда – так, будто бы случайно. Вы войдёте и освободите его.

— Освободим его?

— Да. Он связан. Я связала его.

— Но зачем? – лицо Стефании стало белее мела.

— Я должна была так поступить… Ах, не спрашивай лишнего, и лучше слушай!

— Я слушаю.

— Вы развяжете его, – лихорадочно зашептала я. – Вы, конечно же, ничего не подозревали о том, что он был связан. Если он спросит обо мне, вы скажете, что я уехала.

— А ты уезжаешь?

— Да. Ненадолго, я думаю. Прощай!

Я ещё раз сжала её руку и скрылась за дверью.

Как на грех, мне ничего не удавалось найти. Ключ от гардероба пропал, и у меня не было времени искать его или звать Эжени. Я наспех причесалась перед зеркалом, сколола волосы несколькими шпильками и нанесла немного румян на щёки. Завязала ленты шляпки и, недолго думая, набросила плащ своей горничной, Эжени. Кто знает, может, так даже будет удобнее.

Когда я через чёрный ход выбралась, наконец, из дома и быстро зашагала через Королевскую площадь по направлению к отелю де Куланж, было уже двенадцать часов дня.

4

Чуть позже я поняла, что не взяла с собой денег. Отправилась искать спасения и защиты без единого су! Я сунула руки в карманы, только потом вспомнив, что одета в плащ горничной. В карманах зазвенела какая-то мелочь. Я разжала ладонь и пересчитала монеты – десять ливров четыре су два денье. Я вздохнула. Что ж, по крайней мере, на извозчика хватит.

Я остановила первую попавшуюся извозчичью карету и назвала адрес Валентины Брюман.

Мысли у меня мешались. Да и как им было оставаться ясными, если всего несколько часов назад я была гордой, важной, богатой дамой и ничего не боялась, а сейчас – оказалась на улице, спасаясь от ареста, и на мне нет ничего, кроме плаща Эжени… О том, что под плащом, я предпочитала не задумываться. На мне была нижняя рубашка и безобразно искромсанный пеньюар. Хорошо ещё, что этого никто не видит.

Одно я понимала с предельной ясностью: Клавьер взъелся на меня, да так, что на этот раз мне будет стоить огромного труда от него избавиться. Честно говоря, сейчас я даже не представляла себе, как это сделаю. Я ехала к Валентине, чтобы всё выяснить. Мало-помалу гнев переполнил меня. Надо же – она примкнула к моим преследователям… А ведь ей стоило лишь сказать правду, всего только правду, и все эти подлецы не выдвинули бы против меня ни одного обвинения!

А теперь – пожалуйста: я обвиняюсь в убийстве Флоры де Кризанж. Меня хотят арестовать. Меня будут искать. И Валентина внесла немалый вклад во все это!

– Приехали!– грубо сообщил кучер.

Он не считал нужным помочь мне выйти. Я так же грубо сунула ему деньги и сама спрыгнула на землю. Дом Валентины был в двух шагах от меня.

Я легко прошла через ворота, но в дверь пришлось звонить очень долго. Привратник, едва увидев меня, сразу сдвинул брови:

– Ты кто такая? Что тебе нужно?

Я вскинула голову, будто хотела показать ему лицо. «Этот человек просто не узнал меня, – подумала я. – Не может же быть, что ему приказали меня не впускать».

– Мне нужна госпожа Брюман, болван! Я её подруга. Ты, должно быть, просто спятил, если не узнаёшь меня.

Он лишь слегка посторонился, пребывая в явном замешательстве, и я сразу увидела Валентину, спешащую ко мне. Она подбежала, схватила меня за руку. Лицо у неё было просто безумное.

— Сюзанна, как вам только пришло в голову явиться ко мне? Там, наверху, – полицейский, он с самого утра сидит у меня…

Ужас и злость захлестнули меня, сковали на миг все движения. Валентина настойчиво тянула меня за руку.

– Куда вы меня тащите?

— Идёмте, я выведу вас через чёрный ход. Так будет безопаснее.

Мы торопливо пересекли прихожую, и Валентина повела меня через какие-то многочисленные комнаты, желая обойти парадный вход. У меня очень болела голова, и единственное, что я хорошо ощущала в тот миг, – это злость на Валентину.

– Вам нужно немедленно уйти, – говорила она испуганно. – Не приходите больше сюда. Они вас именно здесь и поджидают.

Я была убеждена, что она не так беспокоится о моём благополучии, как хочет поскорее от меня избавиться. Никто не уверил бы меня в обратном. Уж такова эта мадам Брюман. Конечно, ей нельзя быть такой добродетельной и самоотверженной, как раньше, теперь у неё есть богатый муж, деньги, достаток – словом, есть что терять.

Я остановилась, резко освободила свою руку.

— Может, вы объясните, почему унизились до лжи?

Белая как полотно, с глазами, в которых застыл ужас, Валентина протянула мне смятую бумажку.

– Взгляните… Он прислал мне это вчера в полдень.

Я бегло просмотрела написанное, сразу узнав руку Клавьера. «Дражайшая мадам Брюман, лишь одно слово в защиту вашей милой сестрицы – и мне надоест закрывать глаза на деятельность господина Брюмана. Как вы понимаете, ещё со времени нашей с вами встречи на торгах само присутствие вашего мужа в Париже вызывает у меня величайшую досаду».

– И вы из-за этой пустой угрозы решили подвести меня под суд? – вскричала я, в ярости комкая записку.

– Это не пустая угроза… Он вел с Жаком много дел, он знает моего мужа и в два счёта может его уничтожить.

– Может! Ещё только может! А меня арестовывают уже сейчас!

Она молчала. По этому молчанию, невыносимому для меня, я поняла, что ничего иного от Валентины не добьешься.

— Почему же вы даже не предупредили меня? Почему не послали человека и не сообщили, что Клавьер угрожал вам? Почему не сделали хотя бы это?

Глаза Валентины расширились. Как я поняла, она даже не подумала ни о чём подобном.

— Сюзанна, если вам нужна какая-то помощь – деньги, например, я…

Меня до глубины души возмутил её тон. Она словно записала меня в неудачницы, словно никакого сомнения не имела насчёт того, что Клавьер выиграет, и я буду либо арестована, либо сбегу. Честно говоря, я и сама не знала, как выкручусь. Но почему она хотя бы для вида не верит в мою удачу?

– Деньги? – процедила я сквозь зубы. – Отдайте свои деньги бедным!

— Сюзанна, но…

— Идите вы к чёрту! Именно там вам и место!

Круто повернувшись, я выскочила за дверь и, оглянувшись по сторонам, выбралась на улицу. Быстро мчавшийся экипаж чуть не сбил меня. Я подумала, что мне снова следует нанять коляску и куда-то поехать, но исполнять свои намерения я не спешила. Тоска охватила меня. Я свернула на улицу Сен-Луи и медленно пошла вдоль домов, размышляя над своим положением.

Что и говорить, оно было незавидным. Чем дальше удалялась я от дома Валентины, тем твёрже убеждалась, что я поступила неправильно. Гнев и презрение не позволили мне воспользоваться ситуацией и взять хотя бы то, что было мне крайне необходимо, – например, деньги и одежду. Я ведь под плащом была почти что в нижнем белье. И что теперь делать?

Погода, как в насмешку, была солнечная. В такое время только жизни радоваться, а не брести куда глаза глядят. Я остановилась, глядя в небо: оно было по-весеннему голубое, прозрачное, с медленно плывущими белыми кучевыми облаками. Ветер, долетавший с Сены, был тёплый и приносил приятные ароматы свежих трав. Уже повсюду были слышны галки, грачи, иволги.

– Кого вы ждёте, мадемуазель? Уж не меня ли?

Вздрогнув, я обернулась. Какой-то мужчина в довольно поношенном сюртуке и далеко не чистых панталонах обращался ко мне. Плащ Эжени был виной тому, что меня приняли не за ту, кем я была. Да еще моё странное поведение – я словно застыла посреди улицы.

Мужчина приблизился и, осклабясь, схватил меня за талию.

– Может вам идти не куда? Так пойдёмте ко мне.

Запах, исходивший от него, был далеко не приятен, и, вдобавок ко всему, его руки жадно зашарили по моему телу. Дикое возмущение овладело мной.

– Прошёл прочь, убирайся! Глупый индюк, деревенщина!

— О, да мы из недотрог? А ведь почти голая под плащом!

Он оставил меня и отошел, злобно усмехаясь. Я не сразу смогла опомниться, но, желая поскорее уйти и забыть об этой встрече, быстро пошла по улице, нырнула в какую-то подворотню, прошла через двор, чуть не заплутала между домами, и, преодолев крутой подъем, оказалась на шумном, многолюдном бульваре. Здесь, в тени больших каштанов, возле какой-то лавчонки, я и пришла в себя.

«Надо что-то делать, – решила я. – Нет смысла бродить по Парижу, рискуя наткнуться на полицию». Хотя я и не знала, что именно следует предпринять, но решила для начала нанять извозчика. Я сунула руку в карман, чтобы достать деньги, и похолодела.

Денег не было. Подумав сначала, что это галлюцинация, я даже вывернула карман и проверила его швы. Нет, всё правильно. Я потеряла свои десять ливров и осталась вообще без гроша. Хотя потеряла ли?

— Ах, мерзавец! – выдохнула я, сразу вспомнив о том вонючем типе, который пристал ко мне на улице Сен–Луи.

Без сомнения, это он украл деньги. Мне не следовало быть такой беспечной, я ведь слышала об необыкновенно ловких карманниках, виртуозно владеющим своим ремеслом, которые только и ждут такую простофилю, как я.

Сознание того, что я ограблена, и неожиданно сильный приступ головной боли на миг сломили меня. Голова закружилась так, что я с испугом решила, что сейчас сяду прямо на тротуар; чтобы избежать этого, я опёрлась рукой на витрину магазина. Надо было переждать эту слабость. Но почти в ту же секунду из двери лавки выскочил разъярённый приказчик:

– Как ты смеешь хвататься за стекло? Ты знаешь, что это я его вытираю? Ну-ка, пошла вон, девка!

Я чувствовала себя такой разбитой, что у меня недостало духу ответить ему даже полным ярости взглядом. Шатаясь, я побрела по бульвару, потом повернула к мосту О-Шу, сама не зная , зачем выбираю такое направление.

Мысли мои с каждой минутой становились всё более неясными, но я всё же вспомнила о Жозефине, подумала, не может ли она помочь мне, и сразу же решила, что не может. Она была более чем кто-либо замешана в связях с банкирами. Она постоянно брала в долг, подписывала какие-то контракты, выплачивала займы, вмешивалась во всякие финансовые операции – словом, её имя было очень тесно связано со всевозможными денежными афёрами. Значит, можно предположить, что она у Клавьера на крючке. А как же иначе? Он один из самых влиятельных банкиров. К тому же, Жозефина и так ничем не могла бы помочь. Она ведь ничего не видела. Так она и скажет… Было бы безумием даже являться в дом Бонапартов.

И в Бретань я вернуться не могу. Должно быть, меня будут ждать на заставах. Да что там говорить – у меня даже денег нет! Сознание безысходности так меня пришибло, что я опустила голову. Мне стало казаться, что я серьёзно больна. Меня бросало то в жар, то в холод, и я шла, едва передвигая ноги.

Тогда я решила: первое, что мне следует сделать, чтобы спастись от полиции и не упасть от слабости прямо на улице, – это найти убежище. В гостиницу я пойти не могла. Был ещё разграбленный дом на Вандомской площади, который я отвоевала у Клавьера. Вполне возможно, что там меня будет искать полиция. Но, поразмыслив, я решила рискнуть. Ведь больше мне некуда было идти.

«Будь он проклят, – подумала я, волочась вдоль улицы. – Да, пусть он будет проклят и попадёт в ад. Только этого Клавьер и заслуживает».

На этом мои мысли прервались. Мигрень, кажется, усиливалась с каждым сделанным мной шагом, в ушах шумела кровь, так что я не слышала ничего, что происходило вокруг. Я даже не замечала полицейских. Было очень жарко – то ли от погоды, то ли от болезни; испарина выступила у меня на лбу, губы пересохли. Я шла и порой на ходу бредила. Мне мерещился Корфу, апельсиновые рощи, чудесная прохлада нашего домика в Платитере… Потом перед глазами вдруг всплывала физиономия Клавьера; с жестокой ухмылкой он будто подталкивал меня к бездне, где бушевало пламя, – я уже чувствовала жар огня, он дышал мне в затылок, лизал платье, и вот я уже горю – с головы до ног…

Я остановилась, пошатываясь. Прошло несколько секунд, прежде чем я успела осознать, что стою на Вандомской площади. Я не знала, который сейчас час, скоро ли наступит вечер. И я до сих пор не понимала, каким чудом мне удалось добраться до места. Я ведь была больна и шла пешком. Я почти бредила… Должно быть, сам Бог привёл меня сюда.

– Мне надо лечь, – проговорила я тупо.

Я знала, что, когда переживаешь приступ жестокой мигрени, лучшее лекарство – это уснуть. После сна всё пройдёт. Я снова буду здорова, смогу позаботиться о себе и ещё всех переиграю. Они ещё не знают, с кем связались.

Я прошла через ворота и остановилась у будки сторожа. Внутри никого не было. Зато я заметила на ящике кусок рогалика, прикрытый бумагой, и яблоко. Сейчас есть мне не хотелось, но я машинально собрала всю эту снедь и рассовала по карманам.

Дверь была заперта. В прошлый раз я сама позаботилась об этом. Я обошла дом и, заметив окно, разбитое ветром, решительно обернула руку плащом. Потом изо всех сил ударила по стеклу. Вот теперь у меня был вход, достаточный для того, чтобы я могла пролезть. Я убрала осколки, лишь слегка оцарапав руку. Шум меня не пугал: сторож глух, а со стороны площади меня вряд ли кто-то услышит. Я влезла в дом через окно, остановилась посреди комнаты, переводя дыхание, и только потом вспомнила, что даже не попыталась проверить, не поджидает ли меня здесь полиция.

«Мне везёт, – мелькнула у меня мысль. – Я столько глупостей наделала, была так неосторожна, что без везения давно бы попалась. Видимо, правда на моей стороне».

Впрочем, как можно говорить «видимо»? Из-за этой проклятой мигрени в голову приходят совершенно нелепые вещи!

Держась за перила, я поднялась на второй этаж, где, как я помнила, должен был быть довольно удобный диван. Но, так и не дойдя до него, а лишь миновав ступеньки, я ощутила такую слабость, что рухнула ничком прямо на пол.

Наступила минута полного, абсолютного покоя. Тревоги, мысли, силы – всё покинуло меня. Я забылась, наслаждаясь собственной неподвижностью, и на миг стала будто слепа и глуха ко всему. Но это продолжалось недолго. Сознание возвратилось, и я поняла, что нужно встать. Надо сделать ещё несколько шагов. Всего два шага…

Кое-как я встала на колени и доползла до дивана. На нём было гораздо мягче, чем на полу, и блаженная истома охватила меня.

Я ещё успела подумать о Баррасе. У меня ведь была назначена встреча с ним. Но разве я могла туда пойти? Без сомнения, он уже знает о том, что меня объявили убийцей Флоры, невинной порядочной гражданки. Да если бы и не знал, я бы все равно не могла к нему явиться в одной нижней рубашке. У меня ужасный вид.

И, кроме всего прочего, я была не в силах куда-либо идти, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

5

Проснулась я от холода.

Дождь барабанил по крыше. Капли из открытого на чердак люка падали на пол, их брызги разлетались и попадали даже в меня. Я чувствовала себя изрядно замёрзшей. Поглядев на люк, я сделала вывод, что сейчас, должно быть, раннее–раннее утро. Небо было ещё тёмное, не залитое огнём рассвета. Ветер на улице был сильный, я слышала, как гнутся под ним деревья.

Боли больше не было. Я чувствовала себя здоровой. Я могла идти. И я даже ощущала голод. Вспомнив о еде, украденной у сторожа, я съела сперва рогалик, а потом сгрызла яблоко. Дождевая вода, падающая через люк, позволила мне умыться. Порывшись в вещах, которые чудом уцелели на полках в шкафу, я среди всяких мелочей отыскала гребень и стала причёсываться. Мало-помалу события вчерашнего дня начали вырисовываться в моем сознании. Да, конечно, подумала я, головная боль уже прошла, и это хорошо, но моё положение остаётся почти безвыходным. У меня нет даже одежды. Нет денег, чтобы одежду купить. Меня ищет полиция. Так что положение не «почти безвыходно», а безвыходно, и всё тут.

Кто мне может помочь? Кто в силах сокрушить Клавьера? Никто. Этот негодяй давно уже всех купил. Он поставил меня в такое положение, что я даже деньгами своими не могу воспользоваться. Стало быть, я должна думать не о том, как оправдаться, а о побеге в Бретань. Но и это решение порождало многочисленные проблемы.

Ах, если бы у меня хоть пистолет был! Тогда бы я…

Не закончив своей мысли, я застыла на месте. Громкие голоса доносились со двора, и луч фонаря прорезал темноту. К счастью, сторож был глух, и это заставляло всех, кто обращался к нему, говорить как можно громче. Разговор вёлся почти на уровне крика.

– Что? Что вы говорите? – переспрашивал сторож.

— Мы хотим осмотреть дом, болван! Подавай-ка ключи!

«Полиция», – решила я сразу, и кровь застучала у меня в висках. Впопыхах схватив свой плащ и шляпу, я, будто в лихорадке, стала спускаться по лестнице. С превеликим трудом мне удалось вспомнить, где же то окно, через которое я вчера проникла в дом. Я спрыгнула

на землю и при этом так ушиблась, что на несколько секунд онемела от боли. Потом, когда первый шок прошёл, я бросилась бежать не разбирая дороги.

Мало-помалу до меня дошло, что за мной никто не гонится, и это успокаивающе подействовало на моё сознание. Задыхаясь, я перестала бежать, а потом пошла ещё тише. Дождь, кажется, прекращался, но я уже слегка промокла. Я стала оглядываться по сторонам, пытаясь определить, где нахожусь; из-за волнения мне это мне долго не удавалось.

Потом, оставив это занятие, я вдруг подумала о Талейране.

Я не знала, где он сейчас, чем занимается, находится ли в Париже. Но я сразу поняла, что Талейран – единственный человек, который обладает большим влиянием, большими связями и большой властью и единственный, кто выказывал мне расположение. Я, конечно, не могла назвать его другом. Но что-то в нём у меня вызывало симпатию. Он был, с точки зрения роялистов, негодяй, но уж очень умный и очаровательный негодяй. И, кроме этого, я больше не знала, к кому обратиться.

Надо отправляться к нему. Нельзя упустить эту последнюю ниточку. Сейчас раннее утро, но Талейран, возможно, уже работает. По крайней мере, он явно в своем министерстве, ибо его квартира располагалась на втором этаже особняка Галифе. Конечно, он там, если только не ночевал у любовницы. Любовниц у него было множество.

Я снова стала оглядываться вокруг, и снова не могла определить, по какой улице иду; тогда, отчаявшись понять это самостоятельно, я обратилась к первой попавшейся мне молочнице с нелепым вопросом:

– Скажите сударыня, где я нахожусь?

— Да ведь эта улица Эшель, милочка! Совсем рядом с Карусельной площадью!

Я вздрогнула. Да, так и есть… Вероятно, только волнение и утренний туман не позволили мне понять это самой. Я была почти на площади Карусель, так близко от своего врага – Клавьера, который жил в моём доме и организовывал всю эту травлю. Я закусила губы, чувствуя, как ненависть подкатывает к горлу. Нет, в Бретань я просто не имею права убегать. Надо поставить этого подонка на место. Я была готова руками рыть землю, лишь бы он понял, что зря со мной связался.

Я могла передвигаться по Парижу только пешком, поэтому, когда добралась до улицы Варенн, было уже около девяти часов утра. Пожалуй, министр уже явно занят делами. Но, может быть, мне повезёт, и я всё-таки достучусь до Талейрана.

Я понимала, что одежда на мне такова, что я вряд ли могу надеяться, что меня пропустят внутрь. Меня в подобном наряде примут в лучшем случае за горничную. Поэтому я остановилась у ворот и терпеливо стала ждать, не проедет ли карета Талейрана.

Вокруг меня кипела жизнь. Париж давно уже проснулся, и улицы его были полны народа. Давно уже открылись магазины и лавки. На рассвете казалось, что день будет серый, дождливый и туманный, но с каждым часом погода становилась всё приятнее. Сияло солнце, отражаясь в лужах. Воздух – он в Париже обычно оставляет желать лучшего – нынче был лёгкий и благоухающий, словно весь город полнился цветочными ароматами.

Прошёл час, второй… Я начала понимать, что жду зря, что Талейран, вероятно, никуда не поедет с утренними визитами. По улице с громкими криками шёл мальчишка – разносчик газет. Я долго не могла решиться подойти к нему – стыд за то, что у меня нет денег, не давал мне сдвинуться с места. Но любопытство, в конце концов, пересилило, я подошла и как можно тише произнесла:

— Дай мне посмотреть «Монитёр», дружок. Всего на одну минуту.

– А что, денег у вас нет? – спросил он, подмигивая.

— Нет.

— У меня тоже негусто. То-то мы друг друга поняли!

С этими словами он протянул мне газету, предупредив:

— Только на минуту, гражданка. Мне дальше надо идти.

Я поспешно просмотрела свежий, пахнущий краской номер, и сердце у меня упало. Да, так и есть, в верхнем углу было напечатано сенсационное сообщение: «Гражданка дю Шатлэ обвинена в убийстве Флоры Клавьер». Далее следовали россказни о том, сколько бед натворил мой муж в Бретани, и всякие домыслы по поводу моей связи с Клавьером.

«А ведь это может прочитать и Поль Алэн, – подумала я с ужасом. – И даже Александр…» Внутри у меня всё похолодело. Я молча отдала газету мальчишке. То, что о моей беде теперь станет всем известно, очень угнетающе на меня подействовало. Ведь многие поверят этим выдумкам. Но самое страшное будет тогда, когда об этом узнают в Белых Липах. Боже, да Анна Элоиза просто съест меня живьём. Оставалось надеяться только на то, что в Бретани не слишком часто читают газеты республиканского толка.

В этот миг из ворот вышел лакей, видимо, получивший какое-то задание, и я бросилась к нему с вопросом, где господин Талейран.

– Да где же ему быть? Здесь, в министерстве!

Я поняла, что должна стоять у особняка Галифе насмерть и смотреть в оба, чтобы не пропустить появление единственного в мире человека, способного помочь мне не только бежать, но и оправдаться. Если слухи не лгут (а слухи гласили, что Талейран в 1792 году, в страшные дни сентябрьских убийств, не только бежал из Франции сам, но и провез в своей карете через бельгийскую границу своего беспаспортного друга, что тогда равнялось подвигу!)… словом, если это хоть на грамм правда, он не оставит меня в беде.

6

Фонарщик с длинным шестом шел вдоль домов, зажигая фонари, и улица, прежде окутанная сумерками, мало-помалу наполнялась тусклым мерцающим светом. Становилось холодно. Небо потемнело, тучи на нём казались чернильно-чёрными, и, похоже, снова собирался дождь.

Я поднялась со скамейки под липой, где сидела уже несколько часов и откуда отлично просматривался особняк Галифе, и, перейдя бульвар, приблизилась к железной решетке. Вцепившись в прутья, я на какое-то время застыла, глядя, как гаснут огни в окнах особняка. Потом подошла к караульному.

– Он ещё не уехал?

— Не беспокойтесь, красавица, – отвечал караульный, уже хорошо знакомый со мной. – Гражданин министр ещё у себя.

— А что это за карета стоит у крыльца?

— Какая-то важная дама приехала к министру. Говорят, она иностранка.

Я догадалась, о ком идёт речь. Талейран питал слабость к англичанкам, чем давал повод для многочисленных подозрений. Сейчас речь, видимо, шла о герцогине Фитц-Джеймс, привлекательной тридцатипятилетней ирландке, к которой Талейран был неравнодушен. Думая об этом, я почувствовала досаду. Хоть бы она не задержала его надолго!

Всё сегодня складывается не слишком удачно. В министерство меня не впускали, а называть себя я боялась. Я прождала весь день, а Талейран ни разу не вышел и никуда не поехал – хотя обычно всегда после обеда совершал променад в Люксембургском саду. На этот раз традиция была нарушена. Я прождала весь день. Я очень устала. Мне было холодно и ужасно хотелось есть. Порой меня охватывало отчаяние. Почему я решила, что Талейран поможет мне? Для него самым благоразумным было бы делать вид, что он и в глаза меня никогда не видел!

Мне повезло только с караульным. Он оказался доброжелательным малым и охотно отвечал на все мои вопросы. Он даже обещал подать мне знак, если бы министр вдруг появился, а я в это время отдыхала бы под липой.

Первые капли дождя упали мне на лицо. Я увидела, как из министерства вышла герцогиня и села в карету. Вздох облегчения вырвался у меня из груди. Когда карета проезжала мимо нас, я услышала голос англичанки. Она сказала:

— Мы едем в Сен-Клу, Джек.

Я порадовалась тому, что она уезжает. И радость была не напрасна: тотчас после того, как уехала герцогиня, к крыльцу была подана карета гражданина министра.

— О! Вот видите! – сказал караульный. – Вот вы и дождались.

Да, дождалась… Сейчас было уже восемь вечера. Дождь постепенно усиливался, но я была охвачена таким нетерпением, что ничего этого не замечала. Я переступала с ноги на ногу и была словно в лихорадке. Отчаяние испарилось, и кровь теплым, животворным потоком разлилась по телу. Когда на ступеньках особняка появился человек, одетый в чёрное, который прихрамывал и опирался на трость, я забыла обо всём на свете; я поднырнула под руку караульного, пробежала через двор, слыша позади угрожающие окрики, и бросилась к Талейрану.

— Господин министр! Ах, боже мой! Вас так долго пришлось ждать!

Я увидела лицо Талейрана: сухое, бесстрастное, с насмешливыми складками у рта, и похолодела от невольного страха. Уж очень бесчувственным показался мне министр в эту минуту. И смотрел он на меня так спокойно-задумчиво…

— Сударь, пожалуйста… – проговорил я, умоляюще складывая руки. – Согласитесь выслушать меня!

Я понятия не имела, что он мне ответит, и ожидала только худшего. К нам подбежал караульный, схватил меня за руки, пытаясь оттащить в сторону.

— Вы уж простите меня, гражданин министр! Мы сейчас сдадим её в полицию. Она, должно быть, какая-то безумная…

Талейран окинул солдата колючим взором.

— Отпустите эту женщину. Ступайте на свой пост и забудьте всё, что вы видели.

Я не знала, что и сказать, до того поразительными были эти слова. Талейран надел шляпу и, оглянувшись, сердито постучал тростью по ступенькам – этот звук, видимо, адресовался лакею, потому что последний как из-под земли вырос, услышав стук, и распахнул перед нами дверцу кареты.

— Садитесь, сударыня.

Он подал мне руку, помогая занять место в карете, и этот его жест был точно таким же, как и прежде, когда я ещё не была объявлена преступницей и одевалась так, как соответствует герцогине. Стало быть, министр не боялся моего соседства… то есть не боялся скомпрометировать себя.

Когда карета тронулась, Талейран резким движением опустил занавески, и мы оказались в темноте, в которую не проникал даже свет от уличных фонарей.

— Я всё знаю, – прозвучал во мраке спокойный, но чуть ворчливый голос министра. – Наслышан о ваших деяниях… Где же вы были всё это время?

— Ох, господин де Талейран, вы даже не представляете, что со мной случилось!

Запинаясь, очень сбивчиво я стала рассказывать ему всё, начиная с того момента, как ко мне пришёл инспектор Лерабль. Я не утаила даже приставаний вонючего типа и того, что у меня украли деньги. Талейран слушал, чуть изогнув бровь, и ирония проглядывала в его взгляде, направленном на меня. Он сидел, поставив перед собой трость и положив на неё руки; губы его чуть улыбались.

— М-да… – протянул он насмешливо, когда я закончила. – Теперь я могу понять, отчего вы явились ко мне в столь странном одеянии. И что, вы действительно проломили инспектору голову?

— Нет, – пробормотала я несколько обескураженно. – Он только потерял сознание. Возможно, ему придётся немного полежать. В таких делах у меня есть опыт, и я…

Талейран разразился смехом. Поражённая, я подумала, что впервые слышу его смех.

— Поистине, дорогая, бретонцы сильно изменились, если стали производить цветы, подобные вам!

Внезапно прервав свой смех, он почти серьёзно сказал:

— А ведь я почти горжусь знакомством с вами. Когда я уйду на покой, вы своими приключениями украсите мои мемуары.

Мне казалось, что разговор направился не в то русло, куда бы следовало. Я прервала собеседника:

— Господин де Талейран, вы, по крайней мере, верите, что я не убивала? Это всё – дьявольские интриги, и ничего больше!

— Мне это известно, – сказал он хмурясь.

— Известно? – переспросила я. – Откуда же?

– Потому что я знаю, как было дело у Бонапартов.

Вздохнув, он спокойно пояснил:

— Бонапарты, вся их семья, давно уже вызывают у меня интерес. Приходится наблюдать за ними, чтобы быть в курсе событий. И, конечно же, такое громкое происшествие, как падение мадам Флоры с лестницы, не могло остаться без свидетеля. Моего свидетеля, – подчеркнул он.

– Но вы, разумеется, не можете назвать, кто это, – с горечью заметила я.

— Не могу. Я вообще стараюсь не раскрывать имён своих осведомителей. Поэтому мне хорошо служат.

— Может быть… вы как-то иначе поможете мне? – спросила я довольно робко.

Талейран долго молчал. Сердце у меня билось очень неровно во время этого молчания, и холодная дрожь пробегала по спине.

— У вас ведь нет больше друга, дорогая, э?

— Нет, – призналась я честно. – В Париже нет. Только вы.

— Так вот, то, что говорят обо мне злые языки, и то, как я сам отзываюсь о дружбе, – это болтовня. Видите ли, бывают столь трепетные чувства, что язык человеческий слишком слаб, чтобы выразить их. В нём просто нет таких слов. Дружба, любовь, преданность – это ведь то, что глубоко задевает нас, не так ли?

— Вероятно, – сказала я неуверенно.

— Об этом нельзя говорить без некоторой сдержанности. Как и при всякой атаке на наши чувства, мы стараемся отделаться молчанием и спрятаться за насмешкой, чтобы скрыть глубину своих переживаний. Вот и я насмешлив и зол оттого, что не хочу показаться слабым. А слабость моя – в сентиментальности.

Я слушала его и очень смутно понимала, к чему он клонит.

— Дорогая моя, я верю в дружбу. И настоящих друзей я не предаю, что бы я об этом ни говорил вслух. Иногда, конечно, я лишь прикидываюсь другом, такой грех за мной есть, но в отношениях с вами я искренен. Вы очень пришлись мне по душе, сударыня.

С улыбкой по-прежнему насмешливой – видимо, это вошло у него в привычку, – но лицом, на миг ставшим каким-то незащищённым, он повернулся ко мне, и ласково коснулся завитка моих волос у щеки.

– Вы чистая душа, мадам дю Шатлэ. Вы искренне любите. Вы, как и я, совершенно этого нового мира не приемлете, но нам обоим приходится в нём жить. Вам лишь труднее в нём устроиться. Мне кажется, мы станем друзьями.

У меня перехватило дыхание. Я поняла, что он поможет мне. Я инстинктивно догадалась, что со стороны этого человека мне больше никогда не надо будет опасаться ни обмана, ни подвоха.

— Господин Талейран, не знаю, как выразить, насколько я…

— Молчите, сударыня, – почти сурово прервал он меня, – мы приближаемся к заставе.

— Куда мы едем?

— В Сен-Клу.

— И меня не задержат?

— Чёрт побери! Разве я не приказал вам молчать?

Я замолчала, уяснив, что это самое лучшее. В карете министра меня никто не задержит. Такую карету никто даже остановить не посмеет. Я вспомнила, что герцогиня Фитц-Джеймс, уезжая от Талейрана, тоже отправлялась в Сен-Клу. Должно быть, у министра там какой-то дом, и сегодня я, кажется, испорчу Талейрану свидание с англичанкой. Впрочем… Мне ведь только бы уладить своё дело, и я нисколько не стала бы им мешать!

Мы благополучно, без всякой остановки, миновали заставу, а потом карета покатила по дороге, ведущей к мосту в Сен–Клу. Мы проехали Сену, и тогда Талейран, снова взглянув на меня, произнёс:

— А теперь, мадам, прошу вас рассказать мне всё о ваших отношениях с господином Клавьером, но, раз уж мы решили быть друзьями, прошу говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

У небольшого дома в Сен-Клу, сложенного из белого камня, стояла карета герцогини Фитц-Джеймс, и я поняла, что догадки мои были верны. Талейран, уже знавший о моих отношениях с банкиром всё вплоть до нашей первой встречи на Мартинике, проводил меня в прихожую, где нас встретила аккуратная пожилая экономка.

— Шарлотта, приготовьте комнату для дамы, – распорядился Талейран.

— Как, ещё одна дама, монсеньор?

– Эта дама – моя посетительница. Она лишь переночует здесь.

Шарлотта, по всему видно, ничуть не поверила этим словам. Довольно сурово взглянув на хозяина, она спросила:

— А что передать той даме, которая уже ждёт?

— Ничего , мой друг, ничего. К той даме я иду сам.

Он отдал подбитый мехом плащ лакею и, казалось, собрался уходить. Я сделала умоляющий жест рукой.

— Господин де Талейран! А как же… как же моё дело?

— Не думайте ни о чём, дорогая. Отдыхайте.

— И всё будет улажено?

— И всё будет улажено.

Почти успокоенная , я смотрела ему вслед. Этот человек казался мне в тот миг всемогущим, просто волшебником. Он может справиться с Клавьером! Причём с такой лёгкостью, что это его даже не занимает. Почему я сразу не подумала о Талейране? Возможно, я провела бы ночь не здесь, а уже в своём доме.

Талейран, прихрамывая, поднимался по ступенькам. Одет он был, как и всегда после службы, в чёрный сюртук, белоснежную рубашку и ослепительно-белый тугой галстук. Врождённый аристократизм, благородная кровь чувствовалась в его манерах, элегантности, осанке. Каково же ему вращаться среди напыщенных манекенов, бывших конюхов и лакеев, не имеющих ни воспитания, ни вкуса, а зачастую даже ума! Ему должно быть тягостно и смешно в таком обществе. Ему – такому насмешливому, умному, проницательному.

Даже немощь этого человека была притягательна. Он был хром, но и это придавало ему обаяние.

Меня проводили в комнату, обставленную с изяществом середины XVIII века. На меня так и повеяло Версалем от всех этих вычурных линий, изогнутых очертаний, пузатых пуфов на выгнутых ножках и воздушных золочёных столиков. Большая кровать красного дерева под овальным “польским” балдахином уже была расстелена, а подле неё был сервирован ужин.

Я была голодна до темноты в глазах, поэтому отдала должное и жаренному цыпленку, и молочным блюдам, и сыру, и даже бутылке старого арманьяка. Потом, умывшись, легла в постель, убеждённая, что не усну. Уж слишком чужим и необычным было это место.

Но я уснула, и последней моей мыслью было то, что я никогда и ни за что на свете не прощу Клавьеру унижений, которые я испытала за эти ужасные два дня – этих блужданий по Парижу, боязни полиции и особенно чувства отчаяния, заставлявшего меня иногда терять голову.

7

Проснувшись утром, я сразу посмотрела на часы. Было девять утра. Я слышала, как от дома отъехала карета, а потом раздался унылый голос угольщика и стук обитых железом колёс его повозки. Она громыхала по улице с ужасным шумом. Я поднялась, немного постояла, чтобы всё вспомнить, потом накинула плащ и хотела выйти.

Дверь была заперта. Я и так и сяк пыталась повернуть ручку, но факт оставался фактом: дверь не поддавалась. Меня бросило в жар. Все подозрения мгновенно проснулись во мне, доверие к Талейрану исчезло. Уж не воспользовался ли он моим положением и не заманил ли меня в ловушку? Может, сюда сейчас придёт полиция?

Охваченная самыми дурными предчувствиями, я забарабанила в дверь так, что у меня заболели ладони. Из-за двери не было никакого ответа. Обессиленная, я опёрлась рукой о стену, прижалась лбом к ладони, переводя дыхание.

Наконец, за дверью раздались шаги, потом ключ повернулся в замке, и передо мной предстала Шарлотта, ещё в ночном чепце, но уже вполне одетая. Поправив очки, она сурово спросила меня:

— Что это вы устроили такой шум?

Я в замешательстве взглянула на экономку. Она, кажется, готова была отчитать меня, как школьницу, за напрасное беспокойство и, похоже, вообще была склонна без особого почтения относиться как к хозяину, так и к его гостям.

– Ну разве… разве меня не заперли? – спросила я озадаченно.

— Вас заперли, потому что на это была причина. Вас заперли, потому что это было разумно.

— Разумно?

– Да, иначе, сударыня, вы могли встретиться с той дамой, которая была в другой комнате. Монсеньор находил это нежелательным.

Она называла Талейрана “монсеньор”, словно тот ещё был епископом.

— Теперь эта дама уехала. Можете не беспокоиться.

— А где сейчас господин де Талейран?

— Монсеньор вот уже полчаса как работает. Он просил вас зайти к нему в кабинет после того, как вы приведёте себя в порядок.

Шарлотта принесла мне воды и ещё целый ворох одежды: платье, шёлковые чулки с подвязками, изящные туфельки из мягкой кожи. Я обратила внимание на платье: модное, из дорогого тёмного бархата, очень хорошего покроя. Оно почти подошло мне.

— Когда вы будете уезжать, найдётся приличный плащ и шляпа, – сказала Шарлотта.

— А чья это одежда? – спросила я забеспокоившись.

— Госпожи герцогини Фитц-Джеймс.

— И она… она не обидится, что я взяла её вещи?

– Не обидится. Она ездит по всяким домам, и у неё так много вещей, что она даже не знает толком, что ей принадлежит.

Она развернула зеркало так, чтобы я лучше себя видела.

– Ну-ка, давайте я вас причешу.

Руки этой служанки были так ловки, что, пожалуй, даже Маргарита с ней не сравнилась бы. Она уложила мои волосы, завила их, надушила и потратила на всё это едва ли пятнадцать минут.

– Это невероятно, – сказала я с улыбкой.

— Ещё бы! Монсеньор знает, кого нанять!

Часы оказывали уже десять утра, когда я с сильно бьющимся сердцем приоткрыла дверь кабинета.

Талейран, такой же аккуратный и собранный, как и вчера, сидел за своим рабочим столом и быстро что-то писал. Перо брызгало и рвало бумагу. Чуть в стороне лежал незапечатанный пакет. Министр, едва подняв голову, кивнул мне, приглашая сесть и подождать. Я опустилась на жёсткий стул с высокой спинкой, но сидела очень прямо, напряжённо сложив руки на коленях. Несмотря на то, что все обстоятельства мне благоприятствовали, я не могла избавиться от волнения. Как-никак, сейчас я узнаю, как сложится моя судьба. Придётся ли мне уезжать в Бретань, оставив после себя славу преступницы, или я буду жить в Париже и посрамлю своего врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.